

Литрес ≡ Классика

Николай Лейкин

НЕ В МАСТЬ

Николай Лейкин

Не в масть

«ЛитРес»

1894

Лейкин Н. А.

Не в масть / Н. А. Лейкин — «ЛитРес», 1894

В купеческом доме Гнетовых одевается невеста, чтобы ехать к венцу. Невеста одевается в спальне отца и матери. Оттуда выбегает маленький ее братишка Сеня в красной шелковой рубашонке с золотым поясом и, притопывая новыми козловыми сапогами, нараспев восклицает: – На Катю вуаль надели! На Катю вуаль надели! Катя теперь невеста! Отец его, пожилой человек с проседью в бороде, облеченный в сюртук, в белый галстук и с медалью на шее, дает ему подзатыльник.

Содержание

Не в масть	6
I	6
II	10
III	13
IV	16
V	19
VI	21
VII	24
VIII	26
IX	29
X	31
XI	34
XII	37
XIII	39
XIV	42
XV	44
XVI	47
XVII	50
XVIII	52
XIX	55
XX	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Николай Лейкин
Не в масть. Зарисовки
из жизни людей и собак

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

Не в масть

I

В купеческом доме Гнетовых одевается невеста, чтобы ехать к венцу. Невеста одевается в спальне отца и матери. Оттуда выбегает маленький ее братишка Сеня в красной шелковой рубашонке с золотым поясом и, притопывая новыми козловыми сапогами, нараспев восклицает:

– На Катю вуаль надели! На Катю вуаль надели! Катя теперь невеста!

Отец его, пожилой человек с проседью в бороде, облеченный в сюртук, в белый галстук и с медалью на шее, дает ему подзатыльник.

– Чего ты пляшешь-то, постреленок! Сейчас с образом у невесты поедешь, а сам пляшешь. Нужно держать себя в узде, тихо, благообразно.

Мальчик делает серьезное лицо и снова скрывается в спальне.

В гостиной сидят гости-поезжане, которые должны сопровождать невесту в церковь. Тут, по большей части, мужчины. Дамы ушли в спальню помогать одевать невесту.

– Удивительно, что жених до сих пор не присылает за невестой карету. Кажется, уж пора бы... – говорит пожилой гость с подстриженной бородой и поправляет перед зеркалом белый галстук.

– Чиновник... Чужой... Купеческих порядков не знает, – откликается гость с окладистой седой бородой.

– Да ведь искали купеческого-то, но невеста нос воротит: то сер, то стар, – отвечает отец. – А полированные-то или норовят чуть не миллионное приданое захватить, или на своих любовницах женятся. Заневолю взял чиновника.

Из спальни опять выскакивает маленький сынишка и, также приплясывая, оповещает:

– На нашу Катю, на нашу Катю белые сапоги надели! Катя невеста, совсем невеста!

Второй подзатыльник от отца, более крепкий. Сынишка плачет.

В прихожей звонок, а затем суетня. Гости заглядывают из гостиной в прихожую.

– Шафер... – слышится шепот.

– Ну вот, наконец-то... – говорит отец.

В гостиную влетает молодой человек в мундире почтового ведомства.

– Пожалуйста, пожалуйста... А мы уж ждем... Сейчас вам розан в петличку от невесты будет... – обращается к нему отец невесты.

– Розан потом-с... А я пока на минутку...

Шафер несколько в замешательстве.

– Как? Да вы разве еще без кареты? – слышатся вопросы.

– Карету за невестой жених потом пришлет... Я после за невестой приеду, – отвечает шафер.

– Да когда же, батюшка, после, если невеста почти совсем готова и через полчаса уж в церкви венчание назначено! – возмущается отец невесты.

Смушение шафера усиливается.

– Я к вам, Петр Михайлыч... – произносит он нерешительно, обращаясь к отцу невесты. – Я по делу... Пожалуйста сюда на минутку, на пару слов...

– Что такое? Что такое? – испуганно спрашивает Петр Михайлович и идет с ним в столовую.

– Жених не едет венчаться... – тихо говорит шафер, наклонясь к его уху.

– Т-т-то есть как это? – удивленно спрашивает Петр Михайлович.

– Вы меня простите... Это не от меня... Я тут ни при чем... но... Жених не надевает мундира. «Пока, – говорит, – мне четырех обещанных тысяч не додадут, я и венчаться не поеду...»

– Позвольте... Каких же четырех тысяч?.. Я за невестой даже лишний меховой салоп даю...

Петр Михайлович чувствует, что его ударило в пот.

– О салопе он ничего не говорит, но о четырех тысячах... Одиннадцать тысяч он получил на руки, но четырех ему недодано.

– Да ведь на четыре-то тысячи приданого, одиннадцать да четыре – вот и будет пятнадцать.

– Ничего не знаю-с... Он говорит, что ему пятнадцать тысяч деньгами обещано.

– Что за вздор! Я пятнадцать тысяч с приданным обещал и приданого сделал даже больше, чем на четыре тысячи. Я лишний салоп дал.

– О салопе он ничего не говорил, но насчет рыбного котла упоминал. В приданой описи он показан, а его не прислали. Не прислали и медный куб на плиту. Потом в описи сказано «фарфоровый столовый сервиз», а на самом деле сервиз фаянсовый.

– Ну народ! – развел руками Петр Михайлович. – Позвольте... Да что же он раньше-то молчал! Приданое ведь еще третьего дня ему послано.

– Ничего не знаю... Вы меня, Петр Михайлыч, извините, но он прямо говорит: «Мундира, – говорит, – не надену, пока... четыре тысячи...»

– Фу ты, пропасть! Он должен слушать ухом, а не брюхом. Я явственно говорил: пятнадцать тысяч вместе с тряпками. Помилуйте, что же теперь делать? Ведь так не годится...

– Этого уж я не знаю, но он говорит: пятнадцать чистоганом, и не хочет ехать венчаться, – решительно объявляет шафер.

Полное замешательство. Отец невесты бегаёт по столовой.

– Ну, господа чиновники! Ну, благородные! И это называется благородство! – восклицает он.

– Вы, Петр Михайлыч, купец, и сами очень хорошо понимаете, что чиновник, ежели он женится на купеческой дочке, то уж, понятное дело, рассчитывает... – объясняет шафер. – А вы ему недодали.

– Вздор! Пятнадцать я с тряпками обещал.

Шафер разводит руками и говорит:

– Как хотите, а он мундира не надевает. Или поезжайте и вручите ему сейчас четыре тысячи, или он венчаться не поедет.

– Боже мой! Вот скандал-то! Позвольте... Да где же я ему сейчас четыре тысячи найду?!

– На это я уполномочен вам сказать, что он примет и форменный купеческий вексель в четыре тысячи по предъявлению... – отвечает шафер.

– Ну благородство! Ну честность! Благодарю... Не ожидал! – всплескивает руками отец невесты.

– Честность, Петр Михайлыч, должна быть обоюдная.

– Да поймите вы, что я не обещал ему пятнадцати тысяч!

– Стало быть, это недоразумение, но венчаться он все-таки не поедет, пока...

– Зачем же он тогда дотянул до последней минуты? Ведь это низко...

– Да ведь вы дотянули до последней минуты. Он сидит и ждет, а вы не едете с деньгами.

– С какими деньгами? Никаких ему больше денег не следует.

– Как хотите, а он не поедет венчаться, ежели не получит от вас сейчас же векселя и записки с обязательством доставить рыбный котел, медный куб и обменять фаянсовый сервиз на фарфоровый.

– Но ведь это же свинство, скотство!

– Прошу вас воздержаться на язык, Петр Михайлыч, иначе дело может быть непоправимое и вашей дочери придется снять с себя подвенечное платье, не ездивши в церковь.

Отец невесты сжимает кулаки.

– Кровопийцы... Сутяги... – шепчет он.

– Бога ради, потише, Петр Михайлыч... – замечает шафер и спрашивает: – Так как прикажете: одному мне ехать или с вами?

– Постойте... Я и сообразить не могу... Четыре тысячи... Куб медный... Тьфу!

– Куб медный и медный рыбный котел... – поправляет шафер. – Кроме того, сервиз.

– Поедемте... Но тогда я второй меховой салоп отберу.

– Салопом, я полагаю, он не подорожит. Это дело вашей дочери.

– Вот торгаши-то! Я его обмундировал, пальто ему меховое на свои деньги сшил, а он...

– Ежели женится человек без средств, то иначе, Петр Михайлыч, и быть не может. Жалованье у него маленькое, а между тем вашу же дочку кормить придется; так как же торгашом-то не быть? Недостающие четыре тысячи, сами знаете, дают двести рублей процентов... На квартиру, на дрова годится. Так едем?

– Да погодите, дайте шапку-то взять. Кроме того, жене сказать надо.

Петр Михайлович выходит в гостиную. Из спальни выскочил его маленький сынишка и поет:

– На Катю платье надели! Венчальное платье! Катя невеста!
Отец размахивается и дает ему такого подзатыльника, что тот ревет в голос.

II

Отец невесты быстро и вприпрыжку вбегал вслед за шафером по лестнице, направляясь к квартире жениха, кряхтел и бормотал:

– И ништо тебе, подлецу: не роднись с благородным, не лезь, куда не следует!

У самых дверей квартиры шафер обернулся и сказал:

– Позвольте, Петр Михайлыч, тут вовсе не в благородстве дело, ежели он от вас четыре тысячи требует. Он обещанные требует.

– Шиш с маслом – вот ему обещанные! Кто ему даст и одиннадцать-то тысяч чистоганом, ежели у него у самого всей требухи-то на стертый пятиалтынный! – воскликнул Петр Михайлович. – Это только моя была дурость.

– Об этом раньше было нужно думать, Петр Михайлыч.

– Верно. Но вот был дурак и не подумал. А он...

– Понятное дело, женится на деньгах, – подхватил шафер. – Теперь уж говорим глаз на глаз... Как вы сами-то этого не понимаете!..

Они вошли в квартиру жениха. Мебель в квартире была с иголочки и даже еще свежим лаком пахла. «Все мое, каждый стул мой», – злобно мелькнуло в голове Петра Михайловича. Он вбежал в кабинет. Жених, Порфирий Васильевич Курнышкин, молодой прилизанный худенький человек с усиками, в одних брюках и крахмальной сорочке, по бокам которой виднелись вышитые гарусом подтяжки – подарок невесты, шагал по кабинету.

– Как вам не стыдно, Порфирий Васильич, такой скандал делать! – начал отец невесты. – Поезжане собрались в мой дом, ждем присыла за невестой кареты, а вы...

– Как вам не стыдно, Петр Михайлыч, не держать своего слова, – перебил его жених, деля ударение на – слове «вам». – Обещали за невестой пятнадцать тысяч, а выдали только одиннадцать.

– Одиннадцать и на четыре тряпок и мебели – вот вам и пятнадцать.

– Сделайте одолжение... Не на того напали! Не оплетете. У нас о пятнадцати чистоганом разговор был.

– Позвольте... С какой же стати вы вчера одиннадцать взяли и ничего не сказали?

– Да потому не сказал, что думал, что вы мне четыре сегодня привезете. Просто из деликатности. Вспомните, как вы мне их давали. Сначала пять, через день три, вчера опять три и на все сохранные расписки на имя дочери вашей требовали – ну, я и думал, что вы принесете сегодня последние четыре и последнюю сохранный расписку потребуете, а вы до самого венчания дотянули, и все вас нет. Не на того, батенька, напали! Деньги на бочку – или я и мундира надевать не стану.

– Как это хорошо с вашей стороны, такой скандал делать! А еще благородством чванитесь! – проговорил Петр Михайлович.

– Вы делаете скандал, а не я. Знаю я вас, купцов! Поддеть думали, но не удастся.

– Никого мы не поддеваем. Купеческие фирмы только доверием и держатся.

– Знаю я ваше доверие! В прошлом году еще мой товарищ на купеческой дочке женился – и такое ему доверие прописали, что в лучшем виде. Насулили горы, а дали шиш. А еще у благочестивой вдовы дочку взял. Тоже фирму из себя разыгрывала. «Двадцать пять, – говорит, – тысяч за Шуручкой». Тот предложение... Вдова ему перед венцом три тысячи на экипировку... Перед самым венцом делает намек насчет остальных денег. «Ах, деньги ее, – говорит, – у меня в фирме...» То есть невестины-то деньги. «Деньги ее, – говорит, – у меня в фирме, они ваши, и вы будете на них ежегодно получать – из фирмы хорошие проценты». Тот сдуру-то поверил, повенчался да вот и посейчас получает проценты в виде разговоров: «Знать не знаю, ведать не

ведаю. Никогда я этого не говорила». Да еще что! «Это, – говорит, – вам во сне приснилось». Ну, а я уж не желаю таких разговоров.

– Я в фирме денег не оставляю. Я просто не обещал вам этих четырех тысяч, которые вы требуете, – отвечал отец невесты.

– И сирая вдовица говорила, что не обещала.

– Вам, Порфирий Васильич, просто от меня хочется четыре тысячи лишних выжать.

– Нет, вам, Петр Михайлыч, хочется от меня четыре тысячи ужить.

– Да берите, берите. Сама себя раба бьет, что плохо жнет. Связался с таким, так уж на себя и пеняй.

– Не хотите ли разойтись? Но смотрите, ведь я протори и убытки взыщу.

– Какие? Что я обмундировал вас с ног до головы, квартиру вам нанял, мебель поставил в нее с иголки, все хозяйство завел?

– Хозяйство! Куба медного недодали, котла рыбного не представили.

– Извольте-с... Денег у меня теперь нет, но я выдам вексель...

– Давайте хоть вексель... Только вексель «по предъявлению».

– Получите. Нельзя ли будет в табачную лавочку за вексельной бумагой послать?

– Вексельная бумага у меня уж припасена. Садитесь и пишите. Давно бы так... А то вдруг дочь свою родную на четыре тысячи обижать! Вот вам бумага. Садитесь и пишите!

– Перо и чернил позвольте. Только смотрите, вексель я буду писать на имя моей дочери, а вы мне дадите сохранный расписку, что приняли вексель на хранение.

– И это так с зятем-то поступать! Ах вы, фирма! – воскликнул жених.

– А с тестем вы хорошо поступаете? Ах, благородство тоже!

– Опытном проучен. На товарище опыт вижу. Пишите.

– Пишу. Но и вы пишите.

– И я буду писать.

Оба сели и начали строчить: один – вексель, другой – сохранный расписку.

Жених писал и говорил:

– А рыбный котел и медный куб?

– Деньгами дам. Сами можете купить, – отвечал отец невесты.

– Также уж и разницу между стоимостью фаянсового и фарфорового сервиза потрудитесь присоединить.

– Хорошо, хорошо.

– Вот это тоже разве благородно: обещали фарфоровый столовый сервиз, так и в приданную роспись включили, а дали фаянсовый. Ах вы, фирма!

– Да ведь уж получаете, все получаете, даже и то получили, что от нас не обещано.

– Что такое?

– Второй меховой салоп. Его нет в росписи.

– Не мне в салопе ходить, а вашей дочери.

– Халат вам шелковый невеста подарила, а его тоже нет в росписи.

– Это подарок. За подарок я ей сам больше пуда конфет в разное время перетаскал.

– Готов вексель.

– И у меня готова расписка. Вот-с.

– И от меня вот. А вот деньги на куб и рыбный котел.

– А на сервиз?

– Вторым салопом меняюсь.

– Ну, тестюшка!

– Да уж и зятюшка хорош! Мир?

Отец невесты протянул жениху руку. Тот пожал ее и отвечал:

– Свой своему поневоле друг. Вася! Поезжай за невестой. Я начну одеваться! – крикнул он своему шаферу.

Отец невесты выходил из кабинета и тяжело вздыхал.

III

В маленькой квартире новобрачных теснота и давка от гостей. Новобрачные только что приехали от венца. Их благословляют, принимая с хлебом-солью и иконой посаженный отец и посаженная мать новобрачного – сухой длинный старик, очень смахивающий на официанта, с гладко бритой физиономией, обрамленной узенькими бакенбардами, как колбасками, и полная седая женщина в старомодном помятом шелковом платке. Гости, по большей части, со стороны невесты – купцы в сюртуках и с потными лицами и держатся от гостей жениха, чиновников. Купеческие жены в пышных новых платьях и бриллиантах совсем затмили чиновнических жен, явившихся в отрепанных платьях. В группе гостей со стороны жениха виднеется и генерал в ленте. Отец невесты Петр Михайлович стоит в стороне и шепчет про новобрачного своей жене Анне Тимофеевне, добродушного вида полной женщине без бровей:

– Вот ты и смотри на него... Из молодых, да ранний... На четыре тысячи меня, опытного человека, поддел. Стоит на своем: «Не еду венчаться, пока четыре тысячи не дадите», да и шабаш. Ведь скандал-то какой! Вексель ему выдал.

– Да ведь, должно быть, ты ему обещал, – отвечает жена. – Сулишь, а потом на попятный. С тобой это бывает.

– В том-то и дело, что не обещал, а он меня поймал, припер к стене. Мерзавец, совсем мерзавец. Да уж и после выдачи векселя-то ему, стою я в церкви при венчании и думаю: «А ну-ка, как еще что-нибудь потребует!» Но уж после того, как надели венцы и повели вокруг аналоя, я успокоился. Ну, думаю, теперь уж шабаш, что хочешь требуй – ничего не дам.

Официант вынес на подносе бокалы шампанского. Начались поздравления с законным браком. Отец и мать невесты подошли поздравить. Мать обняла дочь и долго чмокала ее в губы. Новобрачный наклонился к уху Петра Михайловича и шепнул:

– Видите, я не надуваю... Сказал, что на свадьбе будет генерал в ленте, – генерал и имеется, а вы хотели мне четыре тысячи недодать.

– Да уж довольно, довольно... – отвечал, морщась, Петр Михайлович.

Гости со стороны новобрачного как-то не соединялись с гостями со стороны новобрачной. Чиновники старались даже не подавать руки купцам и только раскланивались. Купеческие жены косились на жен чиновников и шептали:

– Трепанные...

– Трепанные, а смотри, какой павлин в голове держат!

Чиновницы про купеческих жен с ядовитой усмешкой говорили:

– Тетехи крашенные. Понавесили на себя бриллиантов, а сами ступить не умеют. Смотрите, какая корова в красном бархатном платье стоит!

Кто-то из купцов, стоя в стороне с недопитым бокалом, крикнул: «Горько». Новобрачный скопил в его сторону глаза и сказал:

– Пожалуйста, оставьте... Здесь не ярославская деревня.

Свадьба была без пира. После шампанского официант понес конфеты на подносе. Купцы махали ему руками и говорили:

– Что ты к взрослым людям с конфетами-то лезешь. Ты нам лучше водочки с селедочкойобрази.

– Да неужто никакой закуски не будет? – спрашивал черный купец рыжеватого.

– Ни боже мой. Петр Михайлыч насили уговорил жениха и это-то сделать. «Нам, – говорит, – с Катериной Петровной ничего не надо».

– Чудак человек... Гостям надо. За что же-нибудь я на жену истратился, платье новое ей сшил... Карета... перчатки и все эдакое...

– Известно уж, чиновники... Не понимают.

– А деньги-то брать понимают с купцов. Пятнадцать тысяч ведь он с Петра Михайлова слупил.

– Чего-с? Пятнадцать? Нет, поднимайте выше. Девятнадцать, а не пятнадцать. Перед самым венцом еще четыре тысячи потребовал. «А нет – и не поеду, – говорит, – и венчаться».

– Да что ты!

– Верно. Даже и мундира не надевал, пока не вручили. «Не надену, – говорит, – мундира». Бился, бился старик – отдал.

– Ну, мальчик! Купца перехитрил, да какого купца-то! Которому пальца в рот не клади – живо откусит. Спросимте, господа, хоть мадерки, что ли! Что так-то сидеть! Шафер! Где шафер? Господин шафер, пожалуйста-ка сюда! Нам бы вот бутылочку мадерки.

– Извините, мадеры не полагается. Здесь только поздравление. Вот сейчас фрукты понесут, – сказал шафер.

– Нам фрукты – все равно что волку трава. А ты вели-ка нам изобразить мадерки...

Шафер вспыхнул:

– Позвольте... Вы забываетесь! Какое вы имеете право мне «ты» говорить!

– Ого, какой шершавый! Ну, мы у отца невесты попросим.

– Здесь дом Порфирия Васильевича, и Петр Михайлыч мешаться не имеет права.

Новобрачный подошел к отцу невесты и, делая серьезную мину, проговорил:

– Я, Петр Михайлыч, вижу опять неисправность с вашей стороны. В приданой описи у вас сказано шесть ламп, а налицо только пять. Давеча-то мне сосчитать было как-то невдомек.

– Шестая кухонная. Здесь пять, а в кухне шестая.

– Кухонная – простая жестяная лампа. Она не должна считаться.

– А по-моему, считается.

– Нет, уж вы потрудитесь завтра добавить.

– Ничего больше не добавлю! Довольно! – вспыхнул отец невесты. – Вишь, какой выискался! До венца, наступя на горло, требовал, чего не следует, да и после венца не унимается. Обвенчался, так уж шабаш!

– Как вам угодно, но помните, что вашей дочке со мной жить.

– Еще грозитя! Вот какие благородные-то люди бывают.

– Я не грожусь, но нужно же пополнить инвентарь.

– Теперь уж сами на свой счет пополняйте, когда «Исаия ликуй» пропели. Да вот что-с... Вон в том углу мои гости просят мадеры. Велите подать бутылку.

– Зачем-с? Во-первых, это выходит из программы сегодняшнего праздника, а во-вторых, у меня нет мадеры.

– Однако вон в том углу ваши чиновники пьют мадеру.

– Была одна бутылка, но больше нет.

– Пошлите-с. Погреба открыты.

– Нет, не пошлю-с. Сейчас вот шоколад подадут им, да и пусть отправляются домой. Я звал только на поздравление.

– Ну ладно. Я на свои за мадерой пошлю.

– Это как вам будет угодно. Но примите в расчет, что после шоколаду я не желаю, чтобы у меня гости оставались.

– Не останутся ваши, так и мои не останутся. Пусть ваши вперед идут, и мои сзади пойдут.

Петр Михайлович послал за тремя бутылками мадеры. Купцы уселись и начали прихлебывать. Шел такой разговор:

– Ну новобрачный! Вот сквалыжник-то. Деньги взял, проморил в церкви два часа лишних и гостей даже закуской не хочет угостить.

– Господа! В кухне что-то жарится. Я давеча в распахнутую дверь видел, что там повар стоит. Ужин, наверное, будет, но только не про нас, а про его гостей.

Новобрачный ходил около гостей-купцов, зевал и говорил:

– Ужасно устал. Жду не дожусь, когда можно будет на покой.

Рыжий купец подмигнул черному и сказал:

– Иван Митрофаныч! Да ну их к черту! Чего зря сидеть! Забирай свою жену да пойдем в «Малый Ярославец» селянку хлебать.

Купцы, не прощаясь, стали уходить.

IV

– Слава богу, наконец-то все эти аршинники уехали, и мы можем отпраздновать нашу свадьбу в интеллигентном обществе! – говорил новобрачный своим гостям после отъезда гостей-купцов, со стороны новобрачной. – А то что это, помилуйте... Их звали только для поздравления, чтобы выпить бокал шампанского, а они сидят и еще чего-то ждут. Ваше превосходительство, в винтик не прикажете ли сыграть, пока у нас будут накрывать закуску? – предложил новобрачный генералу.

– Нет, благодарю. И я просил бы меня освободить от закуски... Я никогда на ночь не ем ничего, – отвечал генерал.

– Ваше превосходительство, да вы, может быть, из-за того и не хотите здесь оставаться, что мой тесть с тещей здесь? Так я сейчас скажу жене, чтобы она предупредила их, чтобы они свой язык не распространяли и знали свое место.

– Ах нет... Что вы... Боже избави... Я вовсе не из-за этого... Ваш тесть – такой почтенный коммерсант. А просто из-за того, что я никогда не ужинаю.

Новобрачный опечалился. Генерал начал прощаться, подошел к отцу и матери новобрачной и протянул им руку. Все пошли в прихожую проводить генерала. Новобрачный смотрел на тестя и тещу зверем. После ухода генерала он подскочил к ним и сказал:

– Прямо генерал из-за вас уехал.

– Да что ты врешь-то! Он ласковый человек. Мы с ним прелюбезно распрощались. Подошел и руку протянул, – отвечал Петр Михайлович.

– Да как же вам ее не протянуть-то, ежели вы лезете вперед.

Анна Тимофеевна вспыхнула.

– А куда же нам иначе лезть-то, любезный зятюшка? В кухню, что ли? – заговорила она. – Нет, уж этого не дождетесь. Мы в квартире нашей дочери.

– Сделайте одолжение... Это квартира моя, а не вашей дочери.

– Однако эту квартиру мы обмобилировали! Каждый гвоздик здесь наш.

– Был ваш, а теперь мой. И гвоздиками вам нечего хвастаться, потому на это было условие, чтоб вам их вбивать. Вы согласились эти гвоздики вбивать, да, к слову сказать, не все же и вбили их. Лампы одной нет, ковра в гостиной бархатного нет.

– Как ковра в гостиной нет? – воскликнул Петр Михайлович. – А это что?

– Да разве это бархатный! Что вы дурака-то строите! Этому коврику вся цена пятнадцать рублей. Эдакие ковры в гостиницах в рублевых номерах стелют, а не в гостиных кладут, и ежели вы любите вашу дочку, то завтра же должны его поменять.

– На кухонный половик, изволь, перемену, а уж больше ничего ты от меня не дождешься. Довольно! Ты и так у меня перед венцом, наступя на горло, четыре тысячи вырвал.

– Дадите, коли дочка приедет и умолять будет.

Разговор сделался крупным. Оставшиеся гости, чиновники, начали перешептываться между собой. Даже им было как-то неловко. Только отец посаженный принял сторону новобрачного и, поправляя на шее станиславский орден, бормотал себе под нос:

– Купчишки! Их дочь благородной сделали, а они в благодарность за это всякие подлоги делают.

Звонок в прихожей. Вернулся какой-то гость из купцов, забывший свои калоши. Надевая свои калоши, он в открытую из прихожей в гостиную дверь кричал:

– Нарочно вернулся из трактира за своим добром. А то прислать бы завтра, так, чего доброго, и не отдали бы. «Никаких, мол, ты и калош не оставлял».

Новобрачный бросился в прихожую, чтобы отругаться, но гость уже хлопнул дверью.

Официанты накрыли столы и поставили закуски. Гости присели к столу. Начались тосты. Посажённый отец поднял бокал за здоровье новобрачных. Новобрачный отвечал за здоровье посажёного батюшки и посажёной матушки.

Петр Михайлович, выпивший три-четыре рюмки водки и накачавший в себя смелости, вскочил со стула и во все горло закричал:

– Нет уж, позвольте, Порфирий Васильич! Прежде всего пьют за настоящих родителей, а не за посажёных, а настоящие родители – мы...

– Вздор! Пустяки! И не смеете вы мне предписания делать! – откликнулся новобрачный. – За кого первого хочу пить, за того и пью. Сидите. Ваша очередь впереди.

– Нет, уж достаточно сидеть. Будет. Тут у камня так лопнет терпение. Анна Тимофеевна! Прощайся с дочкой и идем домой, – обратился Петр Михайлович к жене.

– Да и скатертью дорога, ежели в образованном обществе прилично держать себя не умеете, – откликнулся новобрачный.

– Ты себя держать не умеешь, а не я! И дернула меня нелегкая за такого одра дочь выдать! Прощай, дочка... Жаль мне тебя, да уж ау – не развенчаешь.

Отец поцеловал новобрачную и махнул рукой. Со слезами на глазах бросилась к ней мать и стала ее целовать, приговаривая:

– Вот до чего дожили... Повенчали дочку и даже в опочивальницу не можем ее проводить. Прощай, Катенька, прощай, Катюша... Не забывай мать... Прибегай к нам, голубка.

– Пожалуйста, Анна Тимофеевна, не мусольте ее вашими губами! Думаете, приятно мне это? Ну, чего прилипли? Достаточно... – говорил новобрачный теще.

– Ах ты, аспид, аспид! Чего ты шипишь-то!

– Приличия хочу-с... Хочу, чтобы серые люди умели себя держать в образованном обществе.

– Ах ты, остолоп, остолоп! И где у нас глаза были, что мы за такого изверга дочь выдали!

– Одер... остолоп... изверг – вот какими названиями вы меня окрестили, но я, как интеллигентный человек, буду приличен, не отвечу вам тем же и даже провожу вас в прихожую.

Новобрачный вышел из-за стола.

– Не смей нас провожать! Не смей! А то не вышло бы чего худого! – крикнул ему Петр Михайлович. – Я терпелив, но ежели меня выведут из терпения – я на руку скор.

– Ну, как хотите, – отвечал новобрачный и сел, пробормотав: – Серые мужланы!

Новобрачная плакала. Гости сидели, опешив, и не дотрагивались до еды.

– Простите, господа гости дорогие, что такой печальный инцидент вышел, но я, право, не виноват. Этот народ способен кого угодно вывести из терпения, – извинялся новобрачный перед гостями, взглянул на новобрачную и, увидав ее плачущую, спросил: – А ты, Катюша, чего разрюмилась? О своих серых папеньке с маменькой? Так уж ведь ты теперь отрезанный ломоть, тебе пора отвыкать от них...

– Да разве это можно! Что ты говоришь, Порфирий! – еле могла выговорить молодая и заплакала еще сильнее.

– Ну вот... Что такое случилось! Ничего не случилось... – несколько смутился новобрачный, видя, что он уже хватил через край. – Брось, Катюша... Нехорошо... Отри слезы и успокойся. Ты должна понимать, что ты теперь уж не купеческая дочка, а жена коллежского секретаря... Коллежская секретарша... Так сказать, личная дворянка... Должна привыкать к благородному обществу. Ну, дай сюда ручку!

– Не троньте меня! – вырвалось у новобрачной.

Она ударила его по руке и уже навзрыд зарыдала. Новобрачный махнул рукой и, кусая губы, сказал:

– Нервы... Нервы расходились... Только странно, что в этом сословии нервами страдают. Это удивительно!

Гости выходили из-за стола, прощались и направлялись в прихожую. Новобрачный провожал их и бормотал:

– Как неприятно, что наш свадебный пир принял такой печальный оборот. А все из-за серых невежественных людей. Уж вы, дорогие гости, простите, пожалуйста.

V

По отъезде гостей и родственников новобрачный подошел к все еще плачущей своей супруге и сказал:

– Удивительные люди твои папенька с маменькой! Никак их ни к какому общему знаменателю не подведешь. А ты все плачешь? Полно, Катенька, брось, не плачь. Утри слезки...

Новобрачный приласкал жену, сел с ней рядом, наклонился к ней, обнял ее за талию, но она была безучастна.

– Сердитесь? На меня сердитесь? Но при чем же тут я-то? – спросил он. – Весь этот инцидент произошел из-за серого невежества, а главное, из-за сквалыжничества вашего папаши. – Новобрачный еще путался и с непривычки говорил своей жене то «ты», то «вы». – Ну, утри свои слезки, – продолжал он. – Иди в спальную и сними с себя вуаль и подвенечное платье, а я разотчусь с официантами да мне кое-что проверить надо. Я через четверть часа... Много что через полчаса.

Не отнимая платка от глаз, новобрачная отправилась в спальную.

– Катенька! Как мне печально, что в день нашей свадьбы произошел такой прискорбный инцидент! – крикнул новобрачный ей вслед и прибавил: – Но вини своих и их неделикатность. Поторапливайтесь, поторапливайтесь, ребята, с уборкой, – обратился он к официантам. – Мне нужен покой, а пока вы не уберетесь и не уйдете, я должен быть начеку.

– Мы живо-с... – откликнулись официанты и уже стали вытаскивать из комнаты складной стол.

– Ничего не разбили? Ничего не загрязнили из моей обстановки? – спрашивал их новобрачный Курнышкин.

– Все в порядке-с... Сейчас вот подметем комнату и пожелаем вам счастливо оставаться на радость с вашей супругой.

Курнышкин стал рыться в бумажнике.

– Ну, вот вам всем на чай три рубля...

Официанты недоумевали:

– Это на всех-то? Барин, да ведь нас три официанта, повар, поваренок, кухонный мужик... – сказал официант с котлетовидными бакенбардами.

– Ну, и что же из этого? По полтиннику и разделите. Это от меня только. А затем можете получить еще себе на чай от отца новобрачной. Адрес его – Ямская... Вот его адрес. С него получите и по вашему счету.

Курнышкин вырвал из записной книжки бумажника листик и написал карандашом адрес тестя.

– Барин, да ведь вы с нами условливались.

– Мало ли что я условливался! А платить должен он. У нас с ним расчеты. Он мне и так многого не уплатил.

– Позвольте, барин...

– Ну-ну-ну... Не разговаривайте. Он заплатит. Чего вы сомневаетесь? Обязан заплатить. Давайте, я вам на счете напишу. Где счет?

– Пожалуйста.

Курнышкин взял карандаш и написал на счете.

– Вот вам... Тут сказано: «Прошу Петра Михайлыча Гнетова уплатить по сему счету семьдесят рублей – такой-то».

– Ежели не отдаст – мы к вам... – сказал официант с котлетовидными бакенбардами.

– Должен отдать. Целую свору гостей с собой привел да не отдаст! Ну, вот я еще рубль вам на чай прибавляю, только скорее уходите.

Официанты удалились. Курнышкин крикнул жене в спальную:

– К папеньке вашему кухмистера со счетом послал. Пусть он и платит. Это самое справедливое возмездие будет за его проступок.

Ответа из спальни не последовало. Курнышкин заглянул в спальную. Там, около новобрачной, суетилась его кухарка. Новобрачная сняла уже платье и вуаль, переделалась в роскошный, турецкой материи, капот и с заплаканными глазами снимала с себя белые атласные полусапожки.

– Вот и прекрасно, что переделались. Как вы очаровательны в этом капоте, – сказал он. – А я сейчас надену халат, – прибавил он, снял с себя мундир и надел шелковый халат – подарок жены, щупая на нем подкладку и бормоча: – Подкладочка-то хоть и шелковая, а жидковата. Ах, тестюшка, тестюшка! Ну да ладно. Зато за свадебное угощение завтра заплатишь. Через десять минут к вам, мадам... – поклонился он супруге и вышел из спальни. – Через минуту он кричал ей из гостиной: – Катенька! Вообрази, табуретки к пианино не прислали. Вчера-то мне и невдомек, а вот теперь вижу, что табуретки нет. Лампы нет, табуретки нет. Ведь это целый подлог. Постой-ка, я венские стулья пересчитаю. Я их вчера тоже забыл пересчитать.

Пауза. Курнышкин считает стулья и опять кричит:

– Ну, уж это из рук вон! Это какое-то мелкое сквалыжничество. И венских гнутых стульев только шестнадцать штук, а в приданой описи сказано, что полторы дюжины. Какое свинство! Нет, это так оставить нельзя. Катенька! Как хотите, а завтра, когда к вашим родителям с визитом поедем, требуйте от них табуретку, пару стульев и лампу. Вы слышите?

Ответа опять не последовало.

Курнышкин курил папироску и в недоумении стоял посреди гостиной.

– Проверить процентные бумаги, которые он мне вчера дал, – вот что надо. Может быть, и там какой-нибудь подлог есть. Вчера я так поспешно считал их, – сказал он сам себе и, отправившись в кабинет, вынул из письменного стола процентные бумаги и принялся их пересчитывать.

Он вынимал из пачки каждый билет, смотрел его на свет, проверял купоны.

«Кажется, не надул... А впрочем, черт его знает! Ведь мне в первый раз приходится видеть эти билеты. Никогда у меня их до сих пор не было», – думалось ему.

Он откинулся на спинку кресла перед письменным столом, взял процентные бумаги в руки, прижал их к груди и, зажмурив глаза, тихо проговорил:

– Ну-с... Теперь Порфирий Васильевич – капиталист... Капиталист, имеющий на руках пятнадцать тысяч... Пятнадцать тысяч по четыре процента – это...

Он стал считать.

– Вот тоже... Об этом бы надо тоже поторговаться, но досадно, что я упустил, – бормотал он. – По четыре процента... Ведь есть пятипроцентные бумаги, а он их дал мне всего только на три тысячи, а остальные бумаги все четырехпроцентные... Ну, да что тут! – махнул он рукой. – Четыре-то тысячи я ведь у него лишние вышиб, когда приструнил его, что не поеду к венцу, пока их не получу.

Вбежала кухарка.

– Барин, барин... Пожалуйте в спальную... С молодой барыней что-то неладно... – испуганно проговорила она.

Новобрачный вбежал в спальную. Новобрачная лежала в истерике.

VI

Петр Михайлович и его супруга Анна Тимофеевна ждут молодых с визитом: дочь Катерину Петровну и ее мужа Порфирия Васильевича Курнышкина. В ожидании молодых Петр Михайлович в беспокойстве ходит по комнатам и кусает губы. То он схватится за газету, присядет, пробежит несколько строчек и опять бросит ее и зашагает по комнатам, то подойдет к жене и, тяжело дыша, спрашивает:

– Как мне и встречаться теперь с ним после вчерашнего скандала? Зять, а хуже лютого ворога. А алчность-то, алчность какая к деньгам. Всю душу ведь вытерепил насчет приданого.

Анна Тимофеевна слезливо моргала глазами и отвечала:

– Да уж как-нибудь ладком надо. Надо все забыть. Мне кажется, он теперь уж вполне удовлетворен. Все ему дано, все послано.

– Лампу даже утром послал ему, которой, по его мнению, не хватало в приданом.

– Ну, вот и отлично. А уж теперь его не раздражай и не вспоминай про вчерашнее. Ведь наша дочь в его руках.

– Изверг... – проговорил Петр Михайлович.

– Да уж что говорить! Другого такого поискать да поискать. А только надо будет с ним как-нибудь ладком.

Первый заметил подъехавшую к крыльцу карету молодых маленький сынишка Петра Михайловича, сидевший на подоконнике, и закричал нараспев:

– Катя едет! Катя в карете с лакеем едет! Катя мужа везет!

Взрослые подскочили к окну и действительно увидели, что у подъезда остановилась карета. Около отворенной дверцы стоял нанятый для сегодняшнего дня лакей в ливрее, и из кареты вылезали молодые. Все в доме всполошилось. Лавочный мальчик начал отбивать смолу у бутылки шипучки, а родители бросились в прихожую встречать дочь и ее мужа.

Вошла Катя, бледная от вчерашних волнений и слез. Глаза ее и посейчас еще были красны. Ливрейный лакей снимал с нее парадную шубу, крытую бархатом. Мать заключила дочь в объятия и заплакала. Петр Михайлович скрепя сердце говорил:

– Добро пожаловать, милая дочка и зятек дорогой Порфирий Васильич...

Порфирий Васильевич подал ему руку, поцеловал руку у тещи и сказал, указывая на шубу молодой жены:

– Кстати, позвольте обратить ваше внимание, как мех-то лезет. У Кати все платье в шерстинках. Как хотите, папашенька, а это мех не новый, а подержанный.

– Да уж будет тебе, будет, – отвечал Петр Михайлович, вводя молодых в гостиную, и в свою очередь обнял дочь и поцеловал ее.

Зять продолжал:

– Я, папашенька, не ради чего-либо. Конечно, теперь уж дело сделано и мы обвенчаны, а только это мех старый. Я не говорю, что вы меня надули, но вас самих могли надуть. Этот мех на год, много на два, а потом и посылай его к скорняку для вставок.

– Брось, Порфирий Васильич... Дай хоть на дочь-то порадоваться без дрызг.

– Извольте-с. А насчет Кати жаловаться буду вам. Все плачет.

– Ах, Порфирий Васильич! Да ведь это все от тебя от самого.

– Напротив-с. Я думаю, что от вас... Ежели бы вы не утягивали, не сквалыжничали...

– Довольно, довольно. Садись... Сейчас поздравим вас честь честью...

– Извольте-с... Сядем.

Лавочный мальчик внес в гостиную откупоренную бутылку шипучки и стаканы. Сзади его горничная внесла фрукты в вазочке. Петр Михайлович стал наливать стаканы.

– Ну-с... Поздравляем молодых, – сказал он.

Общее чоканье и целование. Порфирий Васильевич чокнулся с тестем и сказал:

– Ах да... Недостающую лампу сегодня утром получили. Теперь только...

– Брось... Не возмущай. Потом...

– Я только хотел сказать насчет табуретки к пьянино...

– Поздравляю тебя... Дай Бог счастливо. Ну, поцелуемся...

Зять и тесть поцеловались.

– Ах да... Образоносца-то нашего мы и забыли! – спохватился Порфирий Васильевич. – Ведь мы привезли ему коробку конфет. Она у меня в кармане пальто.

Он отправился в прихожую, вернулся оттуда с маленькой коробкой конфет и, подавая ее братишке жены, сказал тестю:

– Вот мы помним и все наши обязанности точно исполняем. А дома я вчера после ухода гостей осмотрелся – табуретки у пьянино нет, а она в описи, нескольких гнутых буковых стульев тоже нет.

– Да оставишь ли ты! – крикнул тесть.

– Как оставить! Всякому, папашенька, своя слеза солона. А потом забудется... Между тем я человек небогатый...

– Порфирий Васильич, грушку... Скушайте грушку... – приставала к зятю Анна Тимофеевна, чтоб перебить разговор.

– Вы, разумеется, сегодня у нас обедать остаетесь? – спрашивал тесть зятя.

– Да надо-с. Дома ничего не стряпано, а весь вчерашний ужин гости, как саранча, уничтожили. Только поздравительные пироги, что вот сегодня присылали, и остались. Я вот хотел вас, папашенька, спросить насчет сегодняшней кареты, в которой мы визиты делаем: вам за нее платить или мне?

– С какой же стати мне-то? Свадьба кончилась, и все мои расходы кончились. Неужели мне уж и после свадьбы-то тебя содержать! – возмутился Петр Михайлович.

– Конечно, ежели не хотите заплатить, то я требовать не имею права, но мне кажется, что тут можно маленькую комбинацию сделать. У меня не хватает нескольких гнутых буковых стульев... Ежели бы вы за карету сегодня отдали, то я вам стулья мог бы простить.

– Ах, боже мой! Да что ты отравляешь меня этими расчетами! Дай мне хоть сегодня-то свободно подышать! – вырвалось у Петра Михайловича. – Стулья будут...

– Ну, будут так будут. Карету в сторону. Только когда будете буковые гнутые стулья посылать, то не забудьте прислать и табуретку к пьянино.

– Уймись. Покури ты хоть папироску.

– Угостите, так покурю. Своих я, признаться, не захватил.

Петр Михайлович раскрыл перед ним свой портсигар. Порфирий Васильевич взял папироску и закурил.

– Ну, что же, завтра, поди, с молодой в театр? – спросил зять Петр Михайлович. – Вам теперь надо ваш медовый месяц повеселее справлять.

– Ах, папашенька! Голубчик, папашенька! – вздохнул Порфирий Васильевич. – Жалованье я получаю маленькое, а пятнадцать-то тысяч за дочерью вы даже не пятипроцентными, а четырехпроцентными бумагами всучили. Ну, да что тут! Сама себя раба бьет, что худо жнет. Недоглядел я вчера, а уж сегодня поздно... А я это только к тому говорю, что как же нам можно в вихрь жизни-то удариться при нашем жалованьи? Ну, разик-другой в театр ходим, а там и засядем.

Тесть не возражал, пожал плечами и отошел от зятя.

Катя удалилась с матерью в другую комнату, что-то ей рассказывала и горько плакала.

Вскоре горничная доложила, что обед готов. Все отправились в столовую. За обедом очень мало разговаривали. На всех лежал какой-то тяжелый гнет. Тесть чокался с зятем, пил за его здоровье, зять выпил за здоровье тестя и тещи, но разговор не клеился.

После обеда Катя разрыдалась и просила мать не отпускать ее к мужу. Та, разумеется, пришла в ужас и стала уговаривать ее ехать. Курнышкин чуть не силой повез жену из-под родительского крова. Сходя с лестницы, он обернулся к стоящему на площадке тестю и крикнул:
– Стулья и табуретку считаю за вами!

VII

Молодые супруги на третий день после свадьбы все еще продолжали делать визиты гостям, почтившим своим присутствием бракосочетание. К гостям-купцам, бывшим на свадьбе со стороны жены, Порфирий Васильевич, впрочем, наотрез отказался ехать и исключение сделал только для родной тетки жены. Он говорил жене:

– Помилуйте, с какой стати я, интеллигентный человек и чиновник, буду продолжать знакомство с серым невежеством! Ваши папенька и маменька, пожалуй, даже тетка – неизбежное зло, но на кой черт нам эти железники Корюховы, москательщики Бревновы? Что они нам? Денег они нам не дадут и даже, подлецы, сладких пирогов после свадьбы нам не прислали.

– Да вы вспомните, как вы с ними в день свадьбы обошлись, – возражала Катерина Петровна, – так какие же пироги! Ведь вы их чуть не выгнали от себя. Да даже и выгнали.

– Выгонять я не выгонял-с, но дал понять, что всяк сверчок знай свой шесток. Их звали в квартиру молодых только для поздравления, так и на билетах было написано, а они после поздравления не уходят, сидят, требуют мадеры и остаются даже на закуску. И все это самым нахальным манером. Закуску я вовсе не для них готовил, а для своих интеллигентных гостей.

– Да ведь не ты и готовил, а за все про все папеньке с маменькой пришлось заплатить.

– Все-таки закуска была у меня в доме, стало быть, и довольно. Что это, опять слезы? – воскликнул Порфирий Васильевич.

– Да как же не плакать-то, ежели вы папеньку с маменькой называете неизбежным злом! – отвечала супруга, прикладывая к глазам платок.

– А то не зло, что ли? Конечно же, зло.

– Однако это зло обогатило тебя. Что ты был и что ты стал? У тебя деньги, хорошая обстановка в квартире.

– Обогадили они меня за то, что я женился на вас и сделал вас благородной. Из купеческой дочки вы сделали женой коллежского секретаря и в будущем можете еще в чине подняться, стало быть, здесь была купля и продажа – вот и все. Стало быть, вам и нечего распинаться за родителей, что они обогатили нас. Конечно же, неизбежное зло. И удивляюсь я на ваши слова! Кажется, сделавшись благородной, должны бы стать на точку мужа и сами разделять его воззрения, а вы супротивничаете.

– Ах ты, бесстыдник, бесстыдник!.. Стало быть, я-то сама тебе никогда и не нравилась, что ты все про какую-то куплю твердишь? – закричала Катерина Петровна, сверкнув глазами.

– Как не нравились? Нравились и теперь нравитесь, но, конечно же, уж тут безумной поэтической любви не было и нет. А будете меня во всем слушаться, понимать, как я понимаю, и мы будем жить в согласии и любить друг друга. А теперь, пожалуйста, довольно уж этих слез! Вчера в слезах и сегодня тоже. Помилуйте, что же это будет! Вчера, конечно, мы были у вашего папеньки на обеде, и, может быть, это так по купеческому обычаю полагалось, чтобы вам плакать, а сегодня прошу вас оные слезы оставить. Мы едем обедать к моему посаженному отцу, а он не купец, а статский советник. Ну-с, прошу вас утереться и быть веселее.

Уезжая с женою из дому с утра, Порфирий Васильевич сказал своей кухарке:

– Ну, Матрена, стряпать сегодня опять ничего не надо, потому что дома мы не будем обедать, а на обед ты можешь взять себе вот половину этого пирога. Сладкие пироги, принесенные нам вчера, надо стараться уничтожить, а то они зачерствят.

– Да что вы, барин! Разве можно целый день сладким пирогом питаться! – возразила кухарка.

– Отчего же нет? Он очень питателен. Тут яйца, сахар, мука, масло.

– Да уж дайте мне лучше двугривенничек на хлеб и на студень или колбасу.

– Но нельзя же, милая, для прислуги столько разносолов. В крайнем случае ты, впрочем, можешь этот пирог обменять в мелочной лавке на студень и хлеб. Ну, мы уходим. Запри за нами. Да керосину жечь поменьше. Нынче керосин дорог. Вчера мы вернулись от родителей Катерины Петровны, так у нас в квартире горели две лампы. На сегодня довольно и одной. Слышишь?

– Слышу, барин. А денег-то мне на дневное пропитание все-таки сколько-нибудь оставьте. Помилуйте. Ведь вы нанимали меня на вашем горячем, а сегодня уж я ни вашего чаю, ни сахару не получу.

– Ну, вот тебе пятак. Тут на чай, на кофе и даже на шампанское. На что хочешь.

Порфирий Васильевич сунул кухарке медяк и в сопровождении жены стал сходить с лестницы. Пропустя жену вперед, он стал смотреть на ее крытую бархатом ротонду и говорил:

– Вот, Катерина Петровна, ты все заступаешься за своего папеньку, а на парадную-то твою ротонду он реденький московский бархат подсунул вместо лионского, который он обещал. А уж теперь разговаривать насчет бархату поздно. Да и не показывали мне ротонду твою до венца. Это ведь тоже с хитростью, с целью надуть. Да. А вы еще обижаетесь, что я вашего папеньку называю неизбежным злом! Конечно же, он зло.

Супруга не отвечала и сходила с лестницы. У подъезда их ждала двухместная карета, но уже без лакея.

– Лакея я вчера отказал. Ну его... Ни за что ни про что четыре рубля в день... – говорил Порфирий Васильевич, подсаживая жену в карету. – Вчера я так рассчитывал, что за карету-то с лакеем можно с вашего папеньки сорвать, но он таким кремнем оказался, что его никакими словами пронять невозможно, а на свои ездить с лакеем – благодарю покорно.

Супруга и на это промолчала. Карета поехала. В карете Порфирий Васильевич продолжал:

– Завтра вам придется четыре тысячи по векселю с вашего папеньки получить. Это те недоданные нам деньги, что я перед венцом у него потребовал. Но я вот что думаю. Получив эти деньги, мы не купим на них процентных билетов, не стоит. А мы вот что сделаем... Это будет выгоднее и лучше. Процентные билеты дают только четыре-пять процентов. А я попробую пустить их иначе в оборот. У меня мои сослуживцы то и дело нуждаются в деньгах и платят жидам часто по три процента в месяц за какую-нибудь полсотню рублей. Вместо жидов я буду ссужать их маленькими суммами и вместо трех процентов в месяц буду брать с них только по два процента. Это будет и благородно, и пользительно. Благородно, так как я парализую жида и спускаю проценты прямо с трех в месяц на два, а польза уже сама собой очевидна: четыре или пять процентов получать в год на свой капитал или – двадцать четыре? Я думаю, что двадцать четыре-то лучше. Катерина Петровна, как вы думаете? А? Каков у вас муж-то! Финансист, совсем финансист.

Но Катерина Петровна и на эти слова мужа не дала никакого ответа. Он обнял ее за талию и спросил:

– Катюша! Что ж ты молчишь?

Она отшатнулась, высвободила свою руку из-под ротонды и гневно ударила его по руке.

VIII

Настал четвертый день супружеской жизни для Порфирия Васильевича и Катерины Петровны. Послесвадебные визиты все были сделаны, отпуск, взятый на службе для свадьбы, у Порфирия Васильевича кончился, и он собирался уже идти в канцелярию для своих обычных занятий. В этот день он проснулся в девятом часу утра и стал будить молодую жену.

– Вставай, Катенька! Пора! Сегодня я на службу... – говорил он, облекшись в шелковый халат – свадебный подарок супруги. – Напоишь меня кофеем и проводишь в канцелярию. Да надо будет заказать обед кухарке. Сегодня уж дома обедаем.

Катерина Петровна открыла глаза, увидела фигуру мужа, скорчила гримасу и отвернулась от него. Порфирий Васильевич ослабил лицо в улыбку, сложил из пальцев руки «козу рогатую» и хотел пощекотать супругу, но та крикнула:

– Оставьте меня, пожалуйста! – и ударила его по руке.

– Ого! Что же это значит с вашей стороны?! – воскликнул супруг, покачал головой и вышел из спальни приказать кухарке подавать в столовую самовар.

Когда он вернулся в спальную, Катерина Петровна уже в юбке и ночной кофточке умывалась у умывальника.

– И на умывальнике поднадул папашенька, – сказал Порфирий Васильевич, глядя на умывальник. – В описи сказано: «умывальник с мраморными досками», а мраморная доска всего одна.

Он опять тронул жену рукой за шейку, но та раздраженно крикнула:

– Ведь я вас просила не трогать меня!

– Да что ты левой ногой с постели встала, что ли?

– Оставь, бога ради. У меня голова кругом идет. Какая тут правая и левая нога при этакой жизни!

– А что такое? Что? Какая такая жизнь? Мы даже еще и не жили, а только сегодня жить начинаем.

– Достаточно с меня и того терзанья, которое я вынесла!

– Чем терзанье? Какое терзанье? Вот уж не понимаю! Разве тем, что стараюсь тебя переработать из вашего купеческого склада в наш склад? Так нельзя же, милая. У меня и общество благородное, и все...

– Никакого я в вас благородства не вижу! Я вижу только подлость одну.

– Те-те-те. Ну, довольно, довольно. Я вижу, что ты раздражена. Бывает это!

Катерина Петровна утерлась полотенцем и стала накидывать на себя парадный утренний капот.

– Не надевай, Катенька, не надевай... Жалко такую дорогую вещь трепать. Надень простой ситцевый капот, – сказал ей Порфирий Васильевич.

– Не ваше дело! Не ваш это капот! Не вами он куплен! – крикнула на мужа Катерина Петровна и выбежала из спальни в столовую.

Супруг тотчас же смекнул, что что-то неладно, что супруга начинает показывать когти и зубы, и сократился. В столовую он уже вышел, стараясь улыбаться.

– По папеньке с маменькой соскучились? – спросил он жену, присаживаясь к столу. – Ну, хорошо, хорошо. Сегодня вечером мы пойдем к вашему папашеньке. Кстати же, сегодня надо вам и получить с него четыре тысячи рублей. Вот расписочка, возьмите.

И он передал жене документ, выданный ему Петром Михайловичем перед свадьбой. Супруга схватила документ и быстро спрятала его в карман.

– Наливайте же мне кофею, Катишь, – сказал он, смотря на нее с улыбкой.

Она с недовольной миной и молча налила стакан кофе и подвинула его к нему.

– Улыбнитесь, – сказал он ей.

Она отвернулась.

– Первая ссора, – проговорил он после некоторой паузы, пробуя ложечкой кофе.

– И авось последняя, – отвечала она, не глядя на него.

– Пирогов, пирогов сладких сколько у нас поздравительных осталось! – проговорил он, смотря на коробки со сладкими пирогами, расставленные на буфете. – Я полагаю, из них что-нибудь на обед можно сегодня сделать.

– Можете сделать из них себе суп, щи, жаркое и сладкое, – отвечала она.

– Нет, уж это я тебе поручаю. Ты хозяйка и потому должна заказывать обед, а я сейчас вицмундир надену и на службу...

Катерина Петровна промолчала.

– Бюджет, Катюша, на обед – рубль, и прошу не выходить из этой нормы, – продолжал Порфирий Васильевич. – Но так как сегодня у нас сладких пирогов много, то можно не рубль, а поменьше.

Опять никакого ответа.

Вошла кухарка.

– Обед барыня после меня закажет, после меня, – заговорил Порфирий Васильевич.

– Да я вовсе не за этим... – отвечала кухарка. – Там в кухне хозяин этих самых официантов пришел, что закуску в день свадьбы делали. Деньги по счету требуют...

– Какие деньги? Я уже сказал, что деньги за закуску должен отдать отец Катерины Петровны! – воскликнул Порфирий Васильевич.

– Он говорит, что был там, но там не отдают. Сюда прислали.

– Знать ничего не знаю! Ведать ничего не ведаю! Гони вон!

Показался сам хозяин официантов – осанистый бакенбардист.

– Позвольте, господин... Ведь вы же заказывали закуску, а не они... – заговорил он.

– Тесть! Тесть! Знать ничего не хочу! Я заказывал по поручению! – закричал Порфирий Васильевич. – С него и получайте.

Катерина Петровна выскочила из-за стола и вся в слезах убежала в спальную. Порфирий Васильевич через минуту тоже отправился за ней и припер двери. Из-за запертых дверей вскоре послышалось:

– Идите вон отсюда! Я не могу вас видеть! Вы душу мне истерзали!

Он, весь красный, с трясущимися губами, вышел из спальни, надевая вицмундир. Остановившись у дверей, он сказал:

– Ну хорошо, Катерина Петровна, теперь я вас оставляю, потому что мне пора на службу идти, но сегодня после службы мы с вами поговорим, основательно поговорим. Прощайте. Матрена! Запри! – крикнул он кухарке, взял шапку, накинул на себя шубу и ушел.

Через полчаса Катерина Петровна отворила дверь спальни, вышла оттуда заплаканная и стала вытаскивать в гостиную два узла из простыней. В узлах виднелись две подушки, платья, одеяло, шуба.

– Матрена, вынеси мне, пожалуйста, эти два узла на извозчика, – сказала она кухарке. – А там есть сундук с бельем, так за сундуком я от папеньки пришлю.

– Матушка! Сударыня! Барыня! Да куда же это вы? – заговорила кухарка.

– К маменьке... Довольно... Я не могу с ним жить...

– А как же барин-то, матушка барыня? Ведь он вернется и спросит.

– Так и скажешь ему, что Катерина Петровна, мол, уехала к отцу с матерью.

– И когда же вернетесь, барыня?

– Никогда. И ему это скажи: никогда. Совсем, мол, не вернется. И чтоб он не смел туда приходить. Так и скажи, чтоб не смел приходить.

Кухарка заревела вслух и стала отирать глаза передником.

– Выноси! Выноси узлы! – крикнула Катерина Петровна кухарке.
Через четверть часа она уехала.

IX

Петра Михайловича не было дома, когда явилась под родительский кров Катя. Петр Михайлович находился уже на деле, в лавке. Анна Тимофеевна сначала поняла так, что дочь только в гости приехала к ним. При встрече, целуя ее в прихожей, она говорила:

– Вот и прекрасно, что приехала к нам пораньше. У нас и позавтракаешь теперь. А то что дома одной без мужа-то делать! Ведь он, поди, на службе?

Катя горько улыбнулась и отвечала с дрожанием в голосе:

– Я, маменька, к вам совсем... Я не поеду больше к нему.

– Как не поедешь? Да что ты, милушка! Как не ехать к мужу! Этого нельзя. Какой ни на есть, но все-таки муж.

– Не поеду, маменька... – повторила Катя.

– Да что ты, что ты! Разве это можно?

– Сил моих нет... Он мне всю душу истерзал.

– Да верно, верно, что говорить. Мне и самой он не нравится, но тебе-то все равно надо быть при муже.

– Не в состоянии, маменька, ехать обратно. Что хотите со мной делайте, а я не могу...

Катя вошла в гостиную, села и заплакала.

Дворник втащил в прихожую два узла с вещами.

– С вещами! – всплеснула руками Анна Тимофеевна. – Катя! Да ты и в самом деле!.. Да что же скажет Петр Михайлыч!

– Здесь я захватила платья, подушки, благословенную икону, а за сундуком с бельем надо послать. Да и ничего ему, маменька, не оставляйте, ничего... Все возьмите. Ничего ему не стоит оставлять. Это совсем мерзавец. Не отдаст – судом требуйте.

Тут уж заплакала и Анна Тимофеевна.

– Да что он тебе сделал-то? Разве еще что сделал, голубушка? – заговорила она.

– Оскорблял, оскорблял на каждом шагу... Да и при вас... разве мало он при вас меня оскорблял! А вы и папенька – он вас и за людей не считает. Он только и называет вас серым невежеством.

– Да, да, да... А сам-то? Сам-то?.. Только разговор один, что благородный, а на деле...

– Какое его благородство! Он просто подлец. В эти три дня, верите ли, я ничего не видела, кроме унижения. У него только деньги, деньги и мои вещи на уме. Он только считает, высчитывает, бракует мое приданое, попрекает меня на каждом шагу. Вы знаете, что он мне сегодня сказал? На мои деньги он хочет ростовщиком сделаться и давать в долг своим сослуживцам под жалованье за жидовские проценты.

– Ну, положим, это-то дело коммерческое, – заметила мать, – но все-таки...

– Ростовщичество-то – дело коммерческое? Да что вы, маменька! – воскликнула Катя. – И кроме того, он сквалыжник, грошовник, бесстыдник. Он кормить меня перестанет, уморит с голоду. Вы знаете, что он сегодня сказал? Он мне велел заказать обед кухарке из тех сладких пирогов, которые нам третьего дня на новоселье присылали.

– Да что ты, Катенька! – удивилась мать. – И больше ничего?..

Катя помедлила немножко и отвечала:

– Да конечно же, и больше ничего. Помилуйте... Что ж это такое! Вчера тоже кухарку одними сладкими пирогами кормил, благо они даровые. Кухарка-то тоже как плачет!

– Ах, Катенька, ах, голубушка! И жалко мне тебя, да и не знаю я, что делать-то с тобой. Ты поешь у нас, позавтракай, пообедай, а к нему все-таки ступай.

– Поймите, маменька, что тут не одна еда. Тут все, все... Хорошо еще, что он записку-то мне отдал, по которой я должна с папеньки четыре тысячи получить. Не знаю, как уж это и

случилось-то, что он отдал... «Нате, – говорит, – получите с вашего папеньки...» Пожалуйста, маменька, пошлите за моим бельем.

– Ах... Ах... Ах... – опять заахала Анна Тимофеевна. – Я уж не знаю, как мне и быть-то с тобой. Я не смею без твоего отца за бельем твоим посылать. Вот придет он из лавки, так что сам скажет.

– Да ведь Порфирий Васильич расхитит мое белье, продаст, заложит, если вы не пошлете.

– Господи! Да неужели он такой?

– Хуже худшего. Спасите, маменька, мое приданое, хоть что-нибудь спасите. Ведь, может быть, еще настоящим манером развестись придется.

– Ох, ох! Что ты говоришь, Катюша!

– Не могу я, маменька, с ним жить! Буду жить – погибнуть должна. Зачем вы моей смерти хотите? Пошлите за бельем. Золотые вещи, серебро и платья я привезла, а белье, белье...

– Постой, я за отцом сейчас пошлю... погоди... Может быть, он и уговорит тебя, – стояла на своем Анна Тимофеевна. – А мужа твоего можно вызвать, попробовать усоветить, нагоняй ему дать, острастку.

– Ничего из этого, маменька, не выйдет.

– Как ничего? Увидит он, что все от него отобрать могут, – вот он и сократится. Небось... Он жадный... Я вижу теперь, что он всего больше деньги любит.

– Из-за денег-то он на мне и женился. Он и не скрывает этого. Прямо говорит.

И Катя заплакала.

– Не плачь, милушка, не плачь, – утешала ее мать. – Не терзай себя. Обойдется как-нибудь, и все будет хорошо. Я вижу уж теперь, в чем дело. С ним мы очень деликатны были, слишком потакали во всем его ломаньи, а ему острастка нужна. Вот теперь и дадим ему эту острастку. Папенька твой уж начал немножко... Папенька твой уж показал когти и еще покажет. Ведь вот вчера уж не заплатил по счету кухмистеру за закуску, которая была у вас на свадьбе, и к вам обратно этого самого кухмистера послал.

– Ну, что же, что послал? А Порфирий Васильич все равно его от нас прогнал.

– А кухмистер на него к мировому. С нас нельзя требовать, не мы ему заказывали. Он вон и портного к нам со счетом присылал, который ему новый мундир к свадьбе делал, однако же твой отец не отдал. Нет, ему острастка нужна, и тогда он сократится, а теперь у нас острастка в руках есть. Хорошо, что он документ-то этот тебе дал, по которому ты с отца четыре тысячи получить должна. Ну-ка, сунься-ка он теперь! Этот документ – острастка и есть. Небось... Сократится. Сократится и в овцу превратится.

– Может быть, сначала-то и превратится в овцу, а потом, когда опять я пойду к нему, тут он на мне все и выместит, – отвечала дочь и прибавила: – Нет, нет, маменька, я не вернусь к нему! Посылайте за сундуком.

– Да чего торопиться-то? погоди. Дай отцу прийти.

– И отец меня не уговорит. Не вернусь я к нему. Что хотите со мной делайте, а я не вернусь. Ни за что не вернусь.

– Ох, Катя, Катя! – печально качала головой мать. – Ты, милушка, поешь чего не хочешь ли? – быстро спросила она.

– До еды ли мне, маменька, если я на такое дело решилась! Твердо решилась, твердо. И вы не уговорите меня. Я не вернусь к нему.

Весь этот разговор внимательно слушал маленький братишка Кати Сеня и ковырял в носу. Вдруг он запрыгал на одной ноге и запел:

– Катя к жениху не вернется! Катя не вернется! Катя опять с нами будет жить!

– Молчи, дрянь ты эдакая! Эдакое горе дома, а он поет! – закричала на него мать и дала ему подзатыльник.

Х

Часов около четырех дня пришел домой обедать Петр Михайлович. Семья Петра Михайловича всегда обедала об эту пору. Увидав Катю, он заговорил ласково:

– А! Дочка любезная! К обеду пришла? Ну, вот и отлично. А муж на должности? Тоже, должно быть, придет?

Он подошел к дочери, чтобы поцеловать ее, но маленький сынишка его Сеня забежал вперед и отрапортовал ему:

– Катя совсем к нам пришла. Жить пришла... Она убежала от жениха.

– Что ты врешь, дрянной мальчишка! Пошел прочь! – крикнул на него Петр Михайлович, но Катя бросилась к нему на грудь и со слезами сказала:

– Ушла, ушла... Совсем ушла. Сил моих нет больше... Возьмите меня, папенька, обратно к себе.

Отец отступил несколько шагов назад и опустил руки.

– Как ушла? Что же, он тебя бил очень? Истязал? – спросил он.

– Бить и истязать... Бил бы, так все-таки было бы легче, – отвечала Катя. – А он как с первого дня свадьбы начал, так до сегодняшнего утра покою мне не давал своими попреками, что вы тем-то и тем-то его надули, что вы серый человек, что маменька серая женщина и что вот он сделал меня благородной, так я должна теперь на его сторону встать и от вас отречься. Ну, да что мне, папенька, вам рассказывать! Вы сами видели, какой он человек. Это изверг. Он душу мне истерзал.

– Человек последний... Что говорить!.. Подлец и мерзавец... Но неужели нельзя как-нибудь ладком?

– Как же ладком-то, ежели он даже обеда сегодня стряпать не велел кухарке, а приказал все кушанья из старых сладких пирогов сделать, – вступилась за дочь Анна Тимофеевна.

– Не то, маменька, не то, – остановила ее Катерина Петровна. – Это между прочим, хотя он и дал рубль на расход. Но обращение его со мной... попреки вам... Голубчик, папашенька, не выгоняйте меня вон!.. Оставьте меня у себя... Я вам в ноги поклонюсь.

И она упала перед отцом на колени.

Петр Михайлович отступил еще несколько шагов.

– Нельзя, Катя... Невозможно... Лучше же я с ним переговорю построже и хорошенько... – заговорил он. – Ах, дела, дела! – всплеснул он наконец руками и схватился за голову. – Встань... Поднимись... Не стой на коленях. Это бесполезно. – Он сел. – Ты и представить себе не можешь, сколько тут хлопот нужно, чтобы оставить тебя у себя... – продолжал он уже более спокойным голосом. – Ведь паспорт нужно хлопотать у него для тебя... А он добром не выдаст. Наконец, приданое, деньги... За что же это все дарить ему?

– Дорогие вещи я все перевезла сюда... Белье тоже. Документ на четыре тысячи при мне... Папенька, не губите меня!

Катя опять опустилась на колени, упала у ног отца и плакала.

– Постой, постой... Так нехорошо... Садись.

Отец поднял ее, посадил с собой рядом и уговаривал:

– Ей-ей, эти мысли тебе надо бросить. Ведь вот уж пострашала его, уехала домой с вещами, а теперь надо бросить. И поверь, он сократится.

– Не сократится, папенька... Это идол какой-то бесчувственный... Вы знаете, как мы ночь после свадьбы провели? Ах, ежели бы все рассказывать-то!.. Никогда он не сократится.

– Сократится. Документ на четыре тысячи при тебе – ну, и сократится. Помяни мое слово, сократится. Документ, бриллианты, шубы – все это при тебе – ну, и сократится. Его не бей дубьем, а бей рублем, и он шелковый будет. Вот он какой человек.

– Да какая же мне жизнь-то с ним будет, ежели он хоть и сократится на время? – спрашивала Катя, страдальчески смотря на отца.

– Держи документ в руках – вот будет и не на время. А там как-нибудь ладком да потихоньку... А ино место и стерпи. Ну, что ж делать? Такая, видно, уж тебе планида. А убегать от мужа – нет, нет! – Отец замахал руками.

– Да ведь убегают, папенька, – продолжала дочь.

– Только не у купцов, только не купеческие дочки.

– И купеческие дочки убегали. Отчего купеческие должны страдать?

– Стерпится – слюбится, – стоял на своем отец.

Раздался звонок. Катя вздрогнула. Петр Михайлович и Анна Тимофеевна переглянулись.

– Это он... – прошептала Катя, вздрогнув.

Сеня стремглав бросился в прихожую, сейчас же выбежал оттуда обратно и объявил:

– Жених Катин. Вот он тебе, Катя, сейчас задаст! – проговорил он.

Отец сжал зубы и показал сыну кулак.

Вошел Порфирий Васильевич. Он был бледен, губы его дрожали, зрачки вращались. Не здороваясь еще ни с кем, он подошел к жене и, держа руки в карманах брюк, сказал:

– Что же это вы наделали, Катерина Петровна? А? Прихожу со службы, чтобы под своим кровом утолить голод после трудов праведных и расположиться на отдых около молодой супруги, и вдруг узнаю, что обед не стряпан, а молодая супруга сбежала к папеньке с маменькой. Что это значит?

– А то значит, – возвысил голос Петр Михайлович. – То значит, что ты невежа, любезный зятюшка! В какой бы дом кто ни входил, прежде всего здоровается с хозяином и хозяйкой, а ты этого правила не знаешь, так позволь тебя поучить.

Порфирий Васильевич опешил.

– Здравствуйте, Петр Михайлыч, здравствуйте, Анна Тимофеевна... – заговорил он, подавая руку тестю и теще. – Но я, право, так удивлен, так удивлен, что не нашел дома жены, что даже дрожу и в себя прийти не могу. К тому же имею от кухарки известие, что Катя уехала к вам совсем и вещи из дома увезла.

– А! Вещи... Вот вещи-то для тебя главное и есть! – ядовито подмигнул Петр Михайлович. – Корыстный ты человек, грошовник, алтынник – вот кто ты!

Порфирий Васильевич злобно пошамкал губами и начал:

– Конечно же, ежели благородный человек женится на девушке из низшего класса...

– Молчать! Какой ты благородный человек! Ты о благородстве-то и понятия не имеешь! Крапивное семя ты!.. – воскликнул Петр Михайлович, вскочив со стула.

– Но-но-но... Пожалуйста... Не имеете права... – попятился Порфирий Васильевич.

– Ты имел право оскорблять меня в своем доме в день свадьбы, оскорблять при всех, стало быть, и я имею право невестке на отместку... Крапивное семя ты! А что такое благородный человек, так ты, должно быть, и не видал.

– Катерина Петровна! Прошу вас одеваться и следовать за вашим мужем. А за вещами вашими мы через час пришлем, – отчеканил Порфирий Васильевич.

– Не пойду я к вам, ни за что не пойду... – отвечала Катя.

– Желаете, должно быть, чтобы я через полицию вас в свой дом водворил? – спросил он.

– Ничего я не желаю и прошу вас оставить меня в покое.

– Да закон-то вам о правах мужа известен?

Порфирий Васильевич встал в позу и подбоченился, что совсем не шло к его тщедушной плюгавенькой фигурке и делало ее совсем смешной.

Петр Михайлович подошел к нему, похлопал его по плечу и сказал:

– Ты не борзись, молодец, а лучше сократись – вот что... Борзостью своею ничего не возьмешь, потому давно уж всех из терпения вывел. А ты ежели хочешь, чтобы что-нибудь

у тебя наладилось, ты со мной поговори, да поговори без дерзостей, а учтиво, как с добрым тестем следует. А стращанием ты тут ничего не поделаешь. Ну, – через полицию так через полицию! Только посмотрим, чья еще возьмет.

Порфирий Васильевич посмотрел на тестя, покусал губы и сказал:

– Хорошо, извольте... Я готов поговорить с вами.

Петр Михайлович взял его под руку и повел к себе в кабинет.

XI

– Садись, – сказал Петр Михайлович зятю, когда привел его в кабинет, и указал на стул. Порфирий Васильевич сел. Сел и Петр Михайлович.

– Когда ты, наконец, угомонишься? Когда перестанешь шипеть? Ведь у тебя все есть, все тебе дано, ненасытный ты человек! – сказал Петр Михайлович.

– Да какое же с моей стороны шипение? Шипения никакого, – отвечал несколько спокойнее Порфирий Васильевич. – А только ежели вы говорите, что все мне дано, то вовсе не все.

– Это что табуретки-то к пьянину у тебя нет? Грошовник ты эдакий! Табуретку забыли тебе послать – вот и все.

– А зачем же забывать? Нужно честно. Ежели я честно, то и вы... Да и не одна табуретка, а и стулья...

– Честно! Смеешь ты еще о чести разговаривать! Когда честь-то раздавали, тебя дома не было.

– Но-но-но... Пожалуйста...

– Нечего «пожалуйста». Кто честным себя считает, тот ростовщицеством заниматься не собирается. А ты под проценты товарищам деньги собираешься отдавать.

– Уж доложили! – хлопнул себя Порфирий Васильевич ладонью по коленке. – Вот у баб язык-то с дыркой! Но ведь и деньги ссужать можно честно. Конечно же, я, как благородный человек...

– Молчи! Не смей мне говорить о своем благородстве!

– Чего же вы кричите на меня! Тогда я уйду.

Порфирий Васильевич поднялся со стула.

– Теперь настала моя очередь на тебя кричать, – отвечал Петр Михайлович. – Достаточно уж ты надо мной всяких издевательств делал. Надо мной, над моей семьей, над дочерью, над моими родственниками.

– Конечно же, мне, как благородному человеку, дико перед невежеством...

– Опять? Молчи, тебе говорят! Каким таким ты благородством кичишься? Отец твой был придворный истопник и ничего больше. Может быть, из таких же крестьян, как и я, но я в купцы записался, а твой отец в истопники поступил.

– Однако я все-таки чин заслужил и через это мое благородство...

– Довольно. Не смей больше об этом упоминать! – опять крикнул на него Петр Михайлович, помолчал и прибавил: – Ну, вот я зачем тебя к себе призвал... Хочешь свою жену от меня обратно получить?

– Да как же не хотеть-то? Не пойдет честью, так я через полицию вытребую.

– Не вытребуешь, ежели не захочет идти. Не старая пора. А напротив, тебя же заставят выдать ей свободный вид на жительство. Но я, я могу уговорить ее, чтобы она к тебе шла. Хочешь?

Порфирий Васильевич подумал, пожал плечами и отвечал:

– Да как же не хотеть-то, папенька! Конечно же, хочу.

– Ну, так и пиши сейчас записку, что все следующее тебе за женой приданое ты от меня полностью получил и никакой претензии ко мне больше не имеешь, – сказал Петр Михайлович.

– Зачем же это, папаша?

– А затем, чтобы ни мне, ни твоей жене не слышать уже больше твоих претензий, что то одно тебе недодано, то другое.

– Ежели вы пришлете табуретку, стулья и заплатите за ужин в день свадьбы...

– Знать ничего не хочу! Надоело. Пиши так... А то и жену назад не получишь. А жену не получишь, так начнем хлопотать о возвращении всего приданого до нитки.

- Всего не имеете права... За протори и убытки должен же я получить...
- За протори и убытки кинем собаке кость. А все-таки ты останешься без жены, без обстановки, без капитала.
- Я не знаю, с чего она сбежала... Я ей, кроме ласки...
- Порфирий Васильевич сдавался. Он говорил уже совсем мягко.
- Хочешь написать такую расписку? А то смотри... Документ на четыре тысячи у дочери, все дорогие ее вещи и белье здесь... – приставал к нему Петр Михайлович.
- Ничего не значит. Я еще кухарку засужу. Какое она имела право без моего ведома выпустить из квартиры вещи!..
- Не бормочи глупости. А изволь отвечать: хочешь выдать расписку?
- Да хорошо, хорошо. Только дурак же я был, что поверил Катерине Петровне документ на четыре тысячи, – сквозь зубы проговорил Порфирий Васильевич.
- Ты опять шипишь? Ты уж должен теперь сократиться и просить прощения у нее за все оскорбления, которые ты ей наносил, – сказал тесть.
- Мне же и прощения еще просить?.. Ловко!
- Ну, уже это твое дело. Так согласен или нет? А то ведь безо всего останешься. Подумай, ты человек корыстный.
- Да хорошо, хорошо... Давайте перо и бумагу.
- Порфирий Васильевич подсел к столу и стал писать. Петр Михайлович позвал в кабинет дочь и жену. Хотел было ворваться в кабинет и Сеня, но отец выгнал его вон.
- Вот Порфирий Васильевич раскаивается во всем, чем он нас оскорблял, и просит прощения. Я уж простил его. Теперь простите и вы...
- Да я что же... Я никогда супротив него ничего особенного не имела... – добродушно заговорила Анна Тимофеевна. – Конечно, характер у него горячий, и мне обидно было всякие напраслины терпеть, но теперь, ежели он просит прощения и обещает, что ничего этого больше не будет...
- Порфирий Васильевич выскочил из-за стола и заговорил:
- Простите уж, маменька... Сгоряча все это... Сами знаете, женишься, так голова не своя. И то думается, и это... Прости и ты, Катюша... – обратился он к жене.
- Нет, нет!.. Никогда я вам не прощу. Вы мне душу истерзали, – заговорила Катя. – Какая может быть с вами жизнь! Это не жизнь, а каторга.
- А вот увидишь, как буду с тобой ласков. То есть так ласков, что на удивление... Меня раздражало то, что папенька недодал... – опять начал он.
- А вот уж теперь он пишет записку, что всем он доволен и никакой претензии ко мне больше не имеет, – подхватил отец. – Ну, полно, Катя, помирись с ним, и живите ладком...
- Да нельзя этого, папаша. По его характеру нельзя. Ведь я нагляделась.
- Ну, он переменится. Вспыльчивость... Из-за вспыльчивости это. А то что хорошего, что от мужа убежала? Только что вышла замуж и убежала. Что про нас говорить-то будут, ежели не вернуться!
- Да и про меня-с... – откликнулся Порфирий Васильевич. – Тоже сослуживцы есть... Были на свадьбе... видели... Ведь на чужой роток не накинешь платок. Прости, Катерина Петровна.
- Порфирий Васильевич поклонился, взял у жены руку и поцеловал ее.
- Катя плакала.
- Ну-ну-ну... Довольно плакать. Прости его... – говорил Петр Михайлович. – Прости хоть на пробу. Не переменится он, так ведь всегда уйти успеешь. Ему острастка нужна, а острастки до сих пор не было. Ему голову подставили, он и думает, что генерал. А теперь увидел, когда мы когти-то показали, что уж командовать не приходится.
- Отец взял Катю, подвел ее к мужу и заставил того поцеловать ее.

– Мир? – спросил он Катю.

– Хорошо, я поеду к нему, – сказала Катя, – но ежели он только чуть-чуть – я опять к вам и уж тогда навсегда...

Катя и Порфирий Васильевич остались обедать у отца с матерью. За обедом Порфирий Васильевич старался быть с женой ласковым, но она все отвертывалась от него. После обеда он повез ее домой, плачущую. Мать и отец вышли провожать их на лестницу... Мать крестила дочь вслед... Отец кричал дочери:

– Документ-то держи покуда у себя! Не отдавай ему. Почтительнее будет. Я нарочно вслух говорю, чтобы муж знал, что это мой приказ.

Вслед за молодыми супругами прислуга Петра Михайловича повезла обратно сундук с бельем и два узла с вещами и платьем.

XII

Был час восьмой вечера, когда Порфирий Васильевич привез свою жену обратно домой. Всю дорогу они ехали молча. Отворившая им двери кухарка Матрена при виде приехавшей с бариним барыни была в полном недоумении. Сняв с барина шубу, она бросилась снимать с Катерины Петровны пальто и, слезливо моргая глазами, шепнула ей:

– Привел-таки обратно вас, милая барыня?.. Ох уж эти мужья! Изверги... Ничего с ними не поделаешь. У меня такой же есть. Только затем и ходит ко мне, чтобы деньги отнимать.

Катерина Петровна ничего на это ей не ответила и прошла к себе в спальную. Здесь она сняла с себя платье, надела капот и села на диван, пригорюнься.

Порфирий Васильевич, тоже переодевшись у себя в кабинетике в халат, вошел к ней в спальную и старался улыбнуться. Она отвернулась от него.

Он подсел к ней и проговорил:

– Ну-с, будем в мире жить.

– Да, советую вам. Иначе ни за что не удержите меня около себя. Это ничего не значит, что я вернулась, но как что – я сбегу навсегда, и уж второй раз сбегу туда, где долго не найдете меня, – отвечала Катерина Петровна, не глядя на него.

– Романов начитались, что ли? – ядовито спросил он.

– Ну, уж это мое дело, а не ваше.

– Зачем же слово «вы»? Будем говорить друг другу «ты», как мужу с женой полагается.

Ответа не последовало. Катерина Петровна продолжала глядеть в сторону.

– Нельзя ли обернуться к мужу? – спросил он, опять стараясь держаться ласкового тона.

– Зачем? – спросила она, сухо взглянув на него.

– Муж и жена, так надо поговорить по хозяйству. Ты четыре-то тысячи все-таки от отца по документу не получила? Ах ты какая!

– Опять деньги! Ах ты господи! Не получила, но получу и буду держать их у себя.

– Ну, то-то. А прощать зачем же? Деньги нам на хозяйство пригодятся.

– Вот я и буду процентами с них на свои нужды пользоваться. Но довольно о деньгах. Я больше о них разговаривать не желаю.

Вошла кухарка и доложила, что сундук с бельем и узлы привезли.

– Вели внести все это в гостиную, – отдала ей приказ Катерина Петровна.

Два дворника Петра Михайловича втащили в гостиную два узла и сундук. Кухарка помогла им.

– Разобрать, барыня, прикажете? – спрашивала она.

– Узел с подушками развяжи, икону повесь на стену, подушки и одеяло положи на кровать, а остальное разбирать не надо, – отвечала Катерина Петровна.

– Отчего же не надо? – заговорил Порфирий Васильевич. – Давай разберем вместе и положим все в комод и буфет.

– Нет, нет. Не желаю я этого. Надо подождать.

Порфирий Васильевич промолчал и стал курить папироску, сильно затягиваясь и в раздумье поскобливая у себя в затылке. Кухарка постлала постель и стала уходить из спальни.

– Поставь, Матрена, самовар. Мы чаю еще не пили, – отдал он ей приказ и, когда она удалилась, спросил жену: – Отчего же ты, Катенька, не хочешь разложить по местам свои вещи?

– Оттого, что надо прежде посмотреть, могу ли я еще жить с вами. Может быть, завтра же мне уходить придется.

– Но, но... Зачем так? Давай ладком...

– Какой же тут ладок, ежели вы уж сегодня же опять о деньгах начали!.. А я этого слышать не могу. И повторяю... Слово мое твердо. Как только вы начнете дурно говорить о папеньке с

маменькой или станете толковать о деньгах – я уйду туда, куда говорила. А вещи мои покуда пусть будут наготове.

– Ну, понимаю, понимаю. Ах, женщины! – вздохнул Порфирий Васильевич, притворно улыбнулся и спросил: – Это к нему, что ли?

Катерина Петровна смело взглянула ему в лицо, кивнула и отвечала:

– Да. К нему.

Он широко открыл глаза и опять спросил:

– А разве у тебя есть этот он?

– Есть. Он сватался за меня, но меня за него не отдали. Он влюблен в меня и готов для меня сделать все на свете.

Порфирий Васильевич кусал губы и допытывался:

– Кто же это такой? Можно спросить?

– Извольте, скажу. Его не было на свадьбе у нас, но вы его видели, когда женихом ко мне ходили. Это папенькин конторщик... который книги его ведет.

– Это такой кудрявенький с бородкой? Краснощекий?

– Да. Мохнатов. Вот к нему-то я и сбегу от вас. Он живет один... в меблированных комнатах. Он примет меня, с распростертыми объятиями примет, – говорила Катерина Петровна. – Тогда эти четыре тысячи, что я получу с папеньки, ему на заведение какого-нибудь дела. Хоть перчаточный магазин откроем.

Порфирий Васильевич слушал и ушам своим не верил. Когда жена кончила, он мог проговорить только:

– Вот как... Это для меня новость...

– Ну, так вот знайте.

– Однако!.. – вырвалось у него восклицание.

Он прищелкнул языком и прошелся по комнате, тяжело вздохнув.

– Да, да, да... – подтвердила Катерина Петровна, – при первой вашей попытке...

– Да зачем же, зачем же, ежели я дал слово?.. – перебил он ее, переменяя тон. – Нет, Катюша, я не буду – больше... Уверяю тебя, не буду... Меня наши сбили, посаженный отец сбил. Когда я объявил, что женюсь на купеческой дочке, он прямо мне сказал: «Ну, смотри в оба и тебе за каждую безделицу, а то надует» – вот я...

– Врете, врете... Что на других-то пенять! У вас своя такая же натура.

– Прости, Катя... Ну, дай ручку поцеловать.

– Да ведь уж целовали, когда мы были у папеньки.

– А еще раз разве грех?

Он силой взял руку жены и поцеловал ее.

– Самовар готов... – проговорила кухарка, заглянув в комнату.

– Ну, пойдем, Катенька, в столовую. Заваришь ты чай, напьемся мы чайку...

Он силился быть как можно более ласков, взял жену под руку, поднял с дивана и хотел вести ее в столовую, но жена высвободила свою руку и сказала:

– Я сама дойду. Идите вперед, а я сзади.

– Да ведь мир...

– Ах, боже мой! Ну, как вы хотите, чтобы я сразу забыла все то, что вы делали! Оскорбляли, оскорбляли и хотите, чтобы я сразу была с вами ласкова. Вы прежде заслужите.

Порфирий Васильевич сделал виноватое лицо и пошел с женой рядом. «И откуда у нее такая прыть взялась? – думалось ему. – Все молчала, молчала и вдруг заговорила. Да что говорит-то!.. Нет, надо будет с ней полегче...» – решил он.

А Катерина Петровна думала: «Ей-ей, сбегу. Как что – сейчас к Мохнатову сбегу».

ХІІІ

Прожили еще дней десять молодые супруги Порфирий Васильевич и Катерина Петровна. Порфирий Васильевич крепился и за эти дни совсем ничего не говорил о деньгах и не попрекал жену, что отец ее якобы обсчитал его. За это время он даже один раз вместе с женой ездил в гости к ее родителям и вел там себя вполне прилично, не чванясь больше своим благородством и не заводя разговора о приданом. Очевидно, он сдерживался. Разговор его, однако, то и дело вертелся на том, как трудно и дорого жить женатому человеку.

– Прежде я, бывало, в комнатке, в одной комнатке за десять рублей на Петербургской стороне жил, – рассказывал он тестю. – Ну, а теперь за квартиру сорок рублей подай. Прежде, бывало, прислуге у квартирной хозяйки полтинник в месяц за чистку сапог и самовара давал, а теперь кухарка семь рублей стоит. Ведь уж это более чем вчетверо. Прежде, когда холостой был, я иной день и тридцать копеек в день на еду не тратил, а нынче, уж как ты там хочешь – рубль в день на обед подавай, а то так и больше. Одних булок надо копеек на восемь – на десять в день купить. У Катерины Петровны аппетит обширный. А чай? А сахар?

– Верю, верю, но ведь ты должен был знать, что женатая жизнь куда дороже холостой, – отвечал тесть и прибавил: – Ну, да и то сказать, на жену ты взял. На жену у тебя около семисот рублей в год процентов.

– Ах, папенька! Нужно тоже ведь и о будущем подумать! У нас могут быть дети! – вздохнул Порфирий Васильевич.

Петр Михайлович пожалел зятя и, посоветовавшись с Анной Тимофеевной, на следующий день послал ему окорок ветчины, два фунта чаю и голову сахара. Подачка эта очень понравилась Порфирию Васильевичу, и он сказал жене:

– Вот это недурно с его стороны. Спасибо ему за это. Это доказывает, что у него есть чувства.

После этой присылки молодые супруги пять дней подряд ели за обедом то ветчину холодную, то ветчину, разогретую с картофелем. На шестой день супруг сказал:

– Сегодня, я думаю, к обеду из ветчины-то селянку можно сделать.

Но Катерина Петровна возразила:

– Нет, не могу я больше на ветчине сидеть. Надоело. Надо пообождать.

– Душечка, да ведь куда ж нам с остатками-то? Ведь остатки ветчины могут испортиться. А между тем мне ужасно как хочется селянки с ветчиной.

– Ну, ты и ешь ее один, а я пойду к папеньке обедать.

– Вот и отлично! Вот и прекрасно! – воскликнул Порфирий Васильевич. – Я даже сам хотел предложить тебе это, но боялся, что ты рассердишься. Ты пообедаешь у папаши с мамашей, а я дома поем селянки из ветчины, и уж завтра мы закажем что-нибудь другое к обеду. Денька два переждем, а там можно из кости окорока горох сварить. Так отправляйся, отправляйся к своим обедать, а вечером вернешься домой. Как это ты хорошо придумала. А у нас через это гривен шесть экономии будет. Да что гривен шесть! Даже больше. Ежели я дома буду обедать один, то мне и супу не надо. Я с кухаркой и одной селянкой буду сыт. А дашь ты ей только на кислую капусту и на хлеб – вот и все. – Порфирий Васильевич до того расчувствовался, что обнял жену и поцеловал ее, сказав: – Умница.

Катерину Петровну несколько покорило, но она не противилась поцелую, хоть и не отдала его сама.

Муж ушел на службу, а она отправилась к матери. Мать встретила ее, как и всегда, радостно.

– Ну, что? Как живете? Угомонился он? – спрашивала она дочь.

– Да мы не ссоримся. Он как будто приутих теперь. Не оскорбляет меня больше очень-то, даже вас и папашу хвалит после присылки окорока и чаю, но все-таки, маменька, не лежит у меня к нему душа, никогда я к нему не привыкну и никогда любить его не буду, – отвечала Катерина Петровна и слезливо заморгала глазами.

– Ну, как-нибудь стерпится и слюбится, – заговорила мать, взглянула на дочь, увидала ее слезы и сказала: – Чего ты плачешь-то? Ведь сама же говоришь, что он теперь переменился.

– Нет, не переменился он и никогда не переменится, не такая у него душа. Он только сдерживается, а в душе он... Нехорошая у него душа, маменька. А ежели бы вы знали, какой он сквалыжник! – прибавила она и тут же рассказала случай с селянкой.

– Ну, скупость – не глупость, – пробовала оправдывать зятя мать.

– Да не такая, маменька.

Слыша себе похвалу от зятя и чтобы задобрить его, Петр Михайлович и Анна Тимофеевна опять наградили дочь съестными припасами при ее уходе от них домой. Они дали ей с собой банку варенья, яблок и копченого сига.

– На вот, свежи ему гостинцу и скажи, что это от меня ему... – говорила мать, провожая дочь. – Да приходи к нам почаще. Ведь муж днем-то в должности, а тебе что же одной-то дома сидеть!

Катерина Петровна обещала и уехала.

Когда она вернулась домой, то застала мужа отдыхающим после обеда. Он спал у себя в кабинете на диване. Она вошла в кабинет и зажгла лампу на письменном столе. Порфирий Васильевич тотчас же проснулся и спросил:

– Катя! Это ты?

– Я, – отвечала Катерина Петровна, присаживаясь к письменному столу.

– Ну, вот и отлично, что долго не засиделась, – говорил Порфирий Васильевич, все еще лежа на диване и потягиваясь. – Сейчас чай пить будем.

Катерине Петровне не хотелось говорить с ним, но она все-таки сказала:

– Маменька прислала тебе гостинцу – банку варенья.

– Ну?! – протянул он. – Что это с ней? Впрочем, спасибо, спасибо ей.

– Кроме того, десяток яблок прислала и сига копченого.

– О?! Да она совсем добрая. Ведь вот когда родственники-то так относятся, то как с ними ссориться-то будешь? Нет повода. И папашенька здоров? – спросил Порфирий Васильевич.

Катерина Петровна не отвечала. Она смотрела на письменный стол мужа и среди бумаг в синих обложках и кой-каких дешевых безделушек, служивших украшением на письменном столе, увидала довольно массивный серебряный портсигар. Она взяла его в руки и стала рассматривать прикрепленные к нему выпуклые золотые инициалы. Буквы были, однако, не Порфирия Васильевича имени и фамилии.

– Чей это у тебя портсигар? – быстро спросила Катерина Петровна мужа.

– Какой портсигар? – протянул он, совсем забыв спросонок об оставленном на столе портсигаре, несколько помолчал и отвечал: – Ах да... Это портсигар одного моего товарища по службе. Пентефриева. Помнишь Пентефриева? Он еще был у нас на свадьбе. Такой черный... Так вот это его портсигар.

– Зачем же ты взял его?

– Я? Да так... Поносить. Очень он мне нравится. Я даже его взял на образец. Может быть, я и себе такой же закажу, так показать серебрянику.

Порфирий Васильевич быстро поднялся с дивана, подошел к столу, взял из рук жены портсигар и запер его в ящик стола. Катерина Петровна пристально посмотрела в лицо мужа и с раздражением в голосе сказала ему:

– Порфирий Васильич... Ты взял этот портсигар в залог. Дал деньги и взял портсигар.

Муж весь вспыхнул и отвечал:

– Да нет же, нет. Просто на подержание взял, поносить взял. Если хочешь, то я даже возвращу ему. Ну, полно... Пойдем чай пить. Самовар я велел уже к твоему приезду поставить. Он попробовал взять жену под руку. Она не встала со стула и сидела отвернувшись.

XIV

На следующий день Катерина Петровна заметила у мужа, когда тот вернулся из должности, новые золотые часы с золотой цепочкой, тогда как до сего времени у него были серебряные, плохенькие и на другой, очевидно, бронзовой цепочке. Зная скупость мужа, она была уверена, что золотых часов с золотой цепочкой он себе ни за что не купит. «Опять в залог взял», – мелькнуло у ней в голове, и она спросила мужа:

– Откуда у тебя эти часы? Ведь эти часы не твои.

– Часы-то? – улыбнулся он и сказал: – Купить хочу, так взял на подержание, чтобы посмотреть, верно ли ходят. Товарищ продает. Свои серебряные часы дал ему поносить, а эти себе взял.

Что-то неприятное шевельнулось в сердце Катерины Петровны, и она опять проговорила:

– Порфирий Васильич, ты эти часы, как и вчерашний портсигар, взял в залог.

– Да нет же, милая, нет, – отвечал он. – Уверю тебя, что это так только. Вот подержу их недели две и, ежели будут верно ходить, может быть, и куплю их. Человек в деньгах нуждается, часы можно купить дешево, так отчего же не купить?

– В залог ты взял эти часы, – стояла на своем Катерина Петровна. – Ты ведь уж сказал мне, что будешь заниматься среди своих товарищей по службе ростовщицеством.

– Не ростовщицеством, а деньги буду давать займы, за божеские проценты. Какое же это ростовщицество, ежели я даю деньги за умеренные проценты! Никакого тут ростовщицества нет. Государственный банк ссужает деньгами и проценты берет. Да я уже и дал кой-кому денег, – сознался Порфирий Васильевич. – Дал и за грех не считаю, а даже думаю, что я в некотором роде являюсь добрым другом.

– Скажи уж, благодетелем. Я читала, что все ростовщики себя благодетелями считают, – подхватила Катерина Петровна.

– Благодетения тут нет, но и худого ничего нет. Просто дружеская ссуда и, как хочешь, все-таки одолжение. Ведь я проценты-то вполовину меньше тех беру, которые прежде с товарищей жид брал.

– Брось ты это, Порфирий Васильич. Зачем ты хочешь, чтобы я тебя возненавидела! – сказала Катерина Петровна.

– Возненавидела? – спросил муж. – Да за что тут возненавидеть? Ведь я тебе дурного ничего не делаю, а напротив, для тебя же хлопочу. Ах, Катя, Катя! Ведь у нас могут быть дети! – прибавил он.

Разговор на этом и кончился.

Прошло еще дня два, и на третий день Порфирий Васильевич явился домой со службы к обеду с узлом. В пестрой скатерти была завернута поношенная енотовая шуба. Шубу он внес в комнаты, впрочем, не без смущения и говорил жене:

– Вот тоже шуба у нас в канцелярии продается, хорошая енотовая шуба. Пальто-то меховое у меня есть, а потеплее шубы нет. Как ты думаешь, не купить ли ее мне?

Тут уж и сомнения не было для Катерины Петровны, что ее муж занимается приемом ручных залогов под выдаваемые ссуды. Она вся вспыхнула и закричала:

– Ты в залог взял эту шубу, Порфирий Васильич!

– То есть, видишь ли, ее или продают за дешевую цену, или просят взять в залог за эти же деньги. Я дал под нее тридцать пять рублей, но если ты мне посоветуешь ее приобрести, то я ее завтра же куплю себе.

– В залог! В залог! Закладчик! Ростовщик! – восклицала Катерина Петровна.

– Послушай... Да что же тут такого особенного, что я в залог взял? Ну, взял. Я рассуждаю так, что и Государственный банк берет в залог, но только, разумеется, не шубы, а процент-

ные бумаги. А чем же процентные бумаги лучше шуб? Такое же движимое имущество. Я вот сегодня одному и под пенсионную книжку двадцать рублей дал.

– Ростовщик! Ростовщик! – брезгливо повторяла Катерина Петровна, отходя от мужа.

– Зачем же такие ужасные слова? Ростовщик тот, кто дерет безбожные проценты, а мои проценты самые снисходительные, дружеские проценты. Да и меховых вещей я больше и не буду брать, – прибавил Порфирий Васильевич. – Это так уж... только потому, что приятель очень просил, умолял даже, чтобы я взял. Да к тому же он и продает эту шубу за сорок пять рублей. Хочешь, я ее куплю? Хочешь? Может быть, можно будет выторговать пять рублей. Мех прелестный, а только сукно немного потерто. Купить мне себе? – спрашивал он жену.

Катерина Петровна ничего не отвечала.

Обедали они молча. Жена дулась на мужа. Порфирий Васильевич обращался к жене несколько раз с заискивающей улыбкой, но Катерина Петровна отворачивалась.

– Чего ты на меня, Катенька, дуешься как мышь на крупу? – спросил ее Порфирий Васильевич, подсаживаясь к ней после обеда. – На такого доброго и рачительного к дому мужа и вдруг злиться! Ведь я для дома хлопочу. Дай ты мне дом на настоящую точку поставить, и тогда я палец о палец больше не ударю.

– Какой дом? Что ты о доме говоришь пустое? При чем тут дом? – вырвалось у жены.

– А то как же... Я хлопочу о приращении нашего капитала, добиваюсь безбедного существования. Добьюсь всего этого через несколько лет и все брошу. Ах, Катя, Катя, не понимаешь ты деликатности своего мужа! Ведь вот я передал тебе на папеньку документ в четыре тысячи, а ты сколько времени не можешь получить по нем денег. Эти деньги существуют без процентов, проценты на них пропадают, а я тебе, вот уже скоро три недели пройдет, ни разу за это время не упомянул о документе, ни разу не просил, чтобы ты понудила своего папеньку рассчитаться с тобой. А из-за чего я молчал? Из деликатности. Ты этакого деликатного мужа... – Порфирий Васильевич не договорил, махнул рукой, встал с дивана, на котором сидел рядом с женой, и стал закуривать от лампы папиросу. Через минуту он остановился перед ней и спросил: – Когда же, в самом деле, ты мне деньги-то четыре тысячи принесешь от твоего отца?

– Никогда, – отрезала жена. – Я уже сказала вам, что эти деньги останутся у меня на черный день, когда я всякое терпение потеряю и уйду от вас.

– Гм... Ну, хорошо. Так и будем знать... – пробормотал Порфирий Васильевич, почесал затылок, взял узел с енотовой шубой и потащил его к себе в кабинет.

Весь остаток вечера жена и муж больше не разговаривали. Жена сидела у себя в спальне и читала, а он был у себя в кабинете и сводил какие-то счета у письменного стола. Перед тем как ложиться спать, он отворил письменный стол, достал оттуда золотые часы и серебряный портсигар с инициалами, принятые им в залог, и, любясь ими, стал их перетирать замшей. После первого портсигара он вынул из стола второй серебряный портсигар и третий, а также золотую брошку в футляре, и тоже протерев все это, снова запер в стол и отправился ложиться спать. Когда он явился в спальню, жена уже спала.

«Тяжелый человек, – подумал он про жену, раздеваясь, и мысленно прибавил: – Ну, да я ее постепенно вышколю. Обойдется».

Дня через два он принес домой со службы музыкальный ящик черного дерева, бобровую шапку и охотничье ружье-двустволку, уложенное в кожаный ящик. Вещи эти также были взяты в залог.

XV

Не было уже никакого сомнения, что Порфирий Васильевич – ростовщик, производящий свои операции среди сослуживцев и их знакомых. Ростовщичество мужа тяжелым гнетом ложилось на душу Катерины Петровны. Она без злобы и чувства гадливости не могла смотреть на мужа, а между тем этот муж каждый день был у нее перед глазами, приближался к ней, садился с ней рядом, обнимал ее за талию, ласкал и требовал себе поцелуя! Дрожь во всем теле ощущала Катерина Петровна, когда он к ней прикасался.

После появления в их доме музыкального ящика, бобровой шапки и охотничьего ружья Порфирий Васильевич уж не скрывал больше от жены, что он берет вещи в залог под выданные ссуды, да и нельзя было больше скрывать, так как совершенно ненужные для дома вещи накапливались и накапливались.

– Ростовщик вы, злейший ростовщик! Грязный человек! – говорила Катерина Петровна мужу, бросая на него презрительный взгляд.

– Что ростовщик – это верно, потому что приращением капитала занимаюсь, а что я грязный человек – это отрицаю. Скажи мне на милость, в чем тут грязь?

– В чем! И вы еще спрашиваете – в чем! Впрочем, что же я... Свинья также не замечает грязи, в которой радостно валяется...

– Но-но-но... – погрозил ей Порфирий Васильевич. – Уж этого я не позволю. На все есть свои границы. Довольно.

– Удивляюсь я, как ваши товарищи по службе терпят вас.

– Напротив, они даже очень рады, что я начал давать деньги под залог. Прежде с них жиды брали по десяти процентов в месяц, а я беру меньше половины.

– А вот увидите, что даже само начальство, ежели узнает, что вы ростовщик, то выгонит вас со службы.

– Не думаю. Мой ближайший начальник занял у меня под вексель с двумя поручителями триста рублей. А впрочем, ежели и выгонят, то беда невелика. Выгонят – я уж тогда не негласную, а гласную кассу ссуд открою. Семьдесят-то пять рублей своего жалованья уж я всегда теперь наверху, когда у меня деньги есть. Да нет, не выгонят. Где выгнать.

Разговор этот происходил утром. Порфирий Васильевич собирался на службу. Он подошел к жене и, стараясь улыбаться, сказал:

– Не хочешь ли ты сегодня опять сходить к папеньке и маменьке пообедать? А я пообедал бы у кого-нибудь из товарищей. Кухарке двугривенный в зубы на обед. Право, иногда не мешаешь в хозяйстве некоторую экономию сделать.

– Уходите, куда хотите... – презрительно отвечала ему жена.

– Да ты-то, ты-то... Стало быть, ты дома стряпать не будешь?

– Нет, нет. Я, может быть, совсем куда-нибудь уйду.

– Ну, совсем-то это, положим, нельзя... Как ты уйдешь совсем, ежели у тебя паспорта нет? Да и с какой стати ссориться? Право, я человек мирный и не желаю ссориться. А ты ступай к папеньке с маменькой и пообедай там, а я после обеда за тобой приеду.

– Бога ради, не приезжай. Не надо! – вскрикнула Катерина Петровна. – Оттуда я и одна знаю домой дорогу.

– Так в котором часу придешь домой?

– Приду. Но оставь ты меня, пожалуйста, в покое. Иди в должность!

– О, женщины, женщины! – вздохнул Порфирий Васильевич и ушел из дома.

Катерина Петровна дала кухарке денег на обед и тотчас же поехала к отцу и матери. Отца она еще застала дома. Поздоровавшись с ними, она опустила на стул, закрыла лицо руками и заплакала.

– Что с тобой, Катя? Что с тобой? – бросились к ней отец и мать.

– Сил моих нет, не могу жить с мужем. Ради самого Господа, возьмите меня к себе, – говорила она сквозь рыдания.

– Да что такое опять случилось? Что такое? Разве он опять что-нибудь такое?.. Ведь ты была им так довольна. Рассказывала, что он переменялся.

– Ах, он все то же... Даже хуже теперь. Он гадина, самая мерзкая гадина. Я на лягушек смотреть не люблю... Лягушки мне противны. А он для меня хуже лягушки. Брр... Каждое слово его приводит меня в дрожь. Кроме того, теперь уж нет никакого сомнения, что он злейший ростовщик, самый грязный закладчик.

И Катерина Петровна принялась рассказывать свое житье-бытье за последние дни.

– И зачем вы только меня за него замуж выдали! Неужели вы не видали, какой это мерзкий человек! Ведь уж, – кажется, он даже перед самым венцом сказался и выяснился.

Отец развел руками.

– Ну, да уж теперь говорить нечего. И близок локоть, да не укусишь, – говорил он. – А теперь надо покориться своей участи. Покорись, да как-нибудь ладком... Сама покорись, а его старайся как-нибудь в руки взять.

– Как его возьмешь в руки! Не таковский это человек.

– Будь поумней, так и не таковского возьмешь. А брать тебя мне к себе как же?.. Это уж совсем невозможно. Столько денег на тебя истратили да брать!

Катя продолжала плакать.

– Был жених у меня хороший, с теплым сердцем, так нет, вы не отдали меня за него... А отдали за дрянь, за ростовщика.

– Это ты про Мохнатову-то, что ли? – спросил отец с насмешливой улыбкой. – Так где же это видано, чтобы за простого конторщика из мещан девушку с приданным выдавать!

– Конторщик... Что такое конторщик? Вы сами ведь когда-то были приказчиком.

– Верно, но и был холостым, пока в люди не вышел. В люди вышел – женился. А ведь Мохнатову сорок рублей в месяц цена.

– Вздор. Нисколько он не хуже Порфирия Васильича. Что такое Порфирий-то Васильич? И ему только семьдесят пять рублей в месяц цена.

– А семьдесят пять рублей в месяц – так почти аккурат вдвое. Да, наконец, когда он к тебе сватался и мы наводили об нем справки на службе, то там сказали, что он сто двадцать пять рублей в месяц получает. Конечно, там наврали, по его просьбе наврали. И все-таки Порфирия с Мохнатовым ровнять нельзя. Твой муж Порфирий – чиновник, на государственной службе состоит, стало быть, благородный.

– Подите вы! Благородства у него вот на столько нет. Катерина Петровна показала кончик мизинца.

– Ты все про внутреннее благородство... А я про наружное благородство, про чин, про звание... Мохнатов... У Мохнатова ничего впереди, а этот может в гору пойти.

– Выгонят его со службы за ростовщичество, выгонят, прежде чем он в гору по службе пойдет. Он даже сам мечтает уйти со службы, чтобы настоящую гласную кассу ссуд открыть.

– И все-таки останется благородный, и ты будешь благородная. А Мохнатов... Что такое Мохнатов? Тьфу... Отставной козы барабанщик.

– Да душа-то у него теплая. А уж как бы он любил меня! Ведь влюблен в меня.

– В деньги твои влюблен был.

– Нет, нет, не говорите этого. Зачем порочить людей? Он и не упоминал никогда о деньгах. А дали бы вы нам хоть половину против того, что вы дали теперь, и были бы мы счастливы, открыл бы он свою торговлю.

– Какую? Какую он мог открыть торговлю, ежели он никакой торговли не знает! Он конторщик, а не приказчик. Щелк-щелк на счетах, да и записал в книгу – вот и вся его торговля, –

старался пояснить дочери отец и прибавил: – Ну, полно... Уймись... Покорись своей участи, скрепи сердце и ухитрись мужа в руки взять, чтобы он плясал по твоей дудке...

– Да поймите, папенька, что я даже ухитряться не хочу, потому что он мне противен! – воскликнула Катерина Петровна. – Весь противен! С головы до ног противен!.. Вся душонка у него противная, поганая!

Катерина Петровна навзрыд плакала, плакала и ее мать.

– Беда с нынешними девчонками. Прежде этого не было... Прежде всему покорялись, – проговорил Петр Михайлович, махнул рукой и отправился в лавку.

XVI

Домой Катерина Петровна вернулась от своих часу в двенадцатом ночи. Вернулась она полубольная от слез, с разбитыми нервами. Слезы ее у родителей, однако, не помогли делу. Отец и мать окончательно отказались принять ее к ним. Прощаясь с ней, отец перекрестил ее три раза и сказал:

– Смирись... Стерпится – слюбится. А я с ним завтра поговорю.

Когда Катерина Петровна приехала домой, то Порфирий Васильевич был в гостиной и при свете лампы перетирал тряпкой какие-то вновь явившиеся у них в квартире бронзовые канделябры, помещенные на подзеркальном столике. Не здороваясь с мужем, Катерина Петровна прошла через гостиную прямо к себе в спальную.

– Что так поздно? – крикнул он вслед.

Она не ответила. Дверь из спальни в гостиную была открыта.

– Принесла чего-нибудь съестного от папеньки с маменькой? – спросил он.

– Ничего не принесла, – послышался ответ.

– Что же ты зевала? Должна была бы попросить что-нибудь, коли уж давать начали. Не заботишься ты о доме.

– Не стойте вы этого.

– Да я не для себя одного прошу. Ведь мне и твой рот кормить приходится.

– Ах вы, мерзавец! – воскликнула она. – Вы обогатились моими деньгами и вещами, и еще смеете попрекать меня кормлением!

– Зачем так? Зачем? Я не попрекаю, я хочу выяснить перед тобой хозяйственные соображения, – сказал он спокойно. – Муж трудится, заботится о приращении дома, покоя себе не знает, а жена не хочет даже языком шевельнуть на пользу хозяйства. Посмотри, кстати, какие я канделябры бронзовые приобрел. Это уж не в залог взял, можешь быть спокойна, а купил. У вдовы одного нашего бывшего сослуживца купил и очень дешево дал. От нужды и продала. Но дура, совсем дура. Настоящей цены вещам не знает. Прогнала за восемнадцать рублей, когда тут в лом ежели бронзу продать, то и тогда дадут тридцать. И какая художественная работа! Эти канделябры я смело перепродам за семьдесят пять рублей. Долго торговались. Ей очень хотелось взять за вещи двадцать пять. А я – пятнадцать. Она двадцать – я восемнадцать. Ну, на восемнадцати и сошлись. Очень уж ей деньги нужны были, до зарезу нужны. И отчего, глупая, к ростовщику не снесла? Всякий бы жид, наверное, ей дал бы двадцать пять рублей. Просто, я думаю, растерялась после смерти мужа. Что было деньжонок, на похороны истратила, а пить-есть надо.

Катерина Петровна молча разделась и тотчас же легла в постель. Муж долго еще возился в гостиной и в кабинете, но, когда пришел в спальную, жена не спала. Она при свете свечки, поставленной на ночном столике, читала книгу.

– Послушайте, Порфирий Васильич, – начала она. – Лягте сегодня спать в кабинете, оставьте меня одну в спальне.

– Это еще зачем? – удивился он. – Спальная общая, и я имею на нее такое же право, как и вы.

– Но я у вас как милости прошу. Не могу я с вами вместе, не могу... Или вы оставайтесь здесь спать, а я к вам в кабинет на диван уйду.

Порфирий Васильевич недоумевал. Он пожал плечами и вздохнул.

– Вот это новость для меня, – проговорил он.

– Прошу вас, потешьте меня, – упрашивала Катерина Петровна. – Мне сегодня нездоровится.

– Нет-с, не потешу. Зачем же я буду тешить непокорную жену! От вас только и слышишь одни неприятности.

Он начал раздеваться. Катерина Петровна вскочила с постели, завернулась в одеяло, схватила подушку и опрометью бросилась в кабинет.

– Стой! Стой! Куда ты? – закричал Порфирий Васильевич, бросившись за ней в кабинете в одном сапоге, но она уже захлопнула дверь и заперла ее на ключ.

Порфирий Васильевич ошалел.

– Отопри сейчас! – кричал он, шевеля ручку двери.

Ответа не последовало.

– Отвори, Катя! – раздавался его голос,

Но она молчала. Он понизил тон и продолжал:

– Но понимаешь ли ты, мне нужно в стол сходить. У меня там вещи, чужие заложенные вещи.

За дверями хранилось упорное молчание. Он стал говорить ласково:

– Катюша, голубушка, отопрись. Ну пожалуйста, отопрись.

Результат просьбы был тот же.

– Так ладно же, я с тобой завтра поговорю серьезно! – воскликнул он, удалился в спальную, лег в постель, но ему не спалось.

«Это черт знает, что за своенравная бабенка такая! – думалось ему. – Никак я ее подчинить себе не могу, никакой на нее управы не находится. Я и так, я и эдак – ничто не берет. А еще в некотором роде образованная, полированная женщина! Да отец-то ее и мать хоть люди и серые, невежественные, а куда лучше ее и сговорчивее. Тех хоть запугать можно чем ни на есть, и они сейчас сократятся, а у этой какая-то особенная неукротимая строптивость. Ну, что я ей, в сущности, сделал? Решительно ничего, кроме хорошего. Из серой семьи в благородные дамы вывел, а она этого не хочет даже и чувствовать. Нет, надо ее сократить, надо! Нужно принять решительные крутые меры, а то ведь эдак она просто на шею сядет и ноги свесит», – решил он, перевернулся на другой бок и силился заснуть, но спать не мог.

В голову лезли уже другие мысли.

«Не набедокурила бы она что-нибудь у меня там в кабинете! На столе я оставил два серебряных портсигара, которые взял в залог. Не поломала бы она их или не выбросила бы их за форточку! От нее станется. Она озорница. Фу! Да и шапка бобровая там же в кабинете на столе лежит, которую я принес на днях из канцелярии. Пожалуй, ведь из озорничества и шапку разорвет или спалит на свечке, а шапка пятьдесят рублей стоит».

Порфирий Васильевич соскочил с постели, подбежал к запертым дверям кабинета и, постучавшись в дверь, говорил:

– Катя! Катенька! Голубушка! Ты там спать спи, но, бога ради, ты с моими вещами поосторожнее. Пожалуйста, поосторожнее... Там шапка, портсигары... Попортишь, так ведь мне потом отвечать придется. Смотри же, милая... Пожалуйста... Чтоб все ни-ни... А ежели попортишь, то я завтра уж и не знаю, что тебе сделаю! – переменял он вдруг просительный тон на угрожающий, стукнул в дверь кулаком и опять отправился к себе в спальную.

Долго однако не удавалось заснуть Порфирию Васильевичу. Опасения за целостность заложенных вещей не давали ему покою и тревожили его.

Утром, когда он проснулся и вышел в гостиную, на стуле около двери, ведущей из гостиной в кабинет, лежали два серебряных портсигара и бобровая шапка. Порфирий Васильевич схватил их, осмотрел со всех сторон и увидел, что и шапка, и портсигары были не повреждены.

– Ну, слава богу, не набезобразничала! – проговорил он и стал потирать портсигары рукавом халата.

XVII

Через пять минут Порфирий Васильевич стучал в двери своего кабинета и кричал:

– Катерина Петровна! Вставайте и отворите кабинет! Вам нужно чай для меня заваривать! Мне в должность пора идти, да и в письменном столе надо разобраться.

Из кабинета послышался ответ:

– Не встану. Заваривайте чай сами. Ключи от буфета в моем платье, а платье в спальной. Порфирия Васильевича покорило.

– Но ведь это же обязанность жены – поить мужа чаем, – продолжал он.

– Отстаньте! Вы мне противны.

– Ого! Но ведь я должен кое-что вынуть из письменного стола. Там у меня вещи, деньги, дела.

– Ах, какое наказание с вами!

Щелкнул замок, отворилась дверь, и Катерина Петровна, как вчера, завернутая в одеяло и с подушкой в руке, перебежала из кабинета в спальную. Порфирий Васильевич в кабинет не пошел, а отправился за ней.

– С вашими капризами вы совсем забываете, что я муж, так сказать, глава дома... – начал было он.

– Вон отсюда! Дайте мне покой! – закричала она на него. – Никаких я ваших рассуждений слушать не хочу! Вот вам ключ от буфета, и идите заваривать себе чай.

Из-за алькова на пол вылетела маленькая связка ключей. Он поднял ключи и сказал:

– Катерина Петровна, ежели у нас будет продолжаться так, я должен буду принять, наконец, строгие меры.

– Принимайте, что вам угодно. Я уйду к Мохнатову и все вещи от вас вытребую.

– Но-но-но... Прежде чем вы вытребуете от меня свои вещи, я вас самую через полицию вытребую.

В это время в прихожей раздался звонок.

Порфирий Васильевич выбежал из спальни, заглянул в прихожую и увидел Петра Михайловича. Он снимал с себя шубу. У ног его был кулек с чем-то.

– Здравствуй, зятюшка, – говорил он. – Навестить вас пришел.

– И очень кстати, папенька. С женой никак сообразить не могу. Капризы, капризы и капризы. Милости просим. Здравствуйте... – говорил он, косясь на кулек.

– Нате вот, прежде всего, вам гостинчику. Тут кое-что по хозяйству... Гусь, поросеночек мороженный, пара кур. Ехал мимо Сенной, так купил.

Петр Михайлович передал кулек зятю.

– Вот за это спасибо, папенька, большое спасибо, что вы нас не забываете, а то жалованье у меня маленькое, а дочь ваша привередничает, – отвечал тот. – То того не ест, то этого. На, убери кулек в шкаф на лестнице, – сказал он кухарке и продолжал, обращаясь к тестю: – Да это бы еще ничего, что она в пище привередничает, а вообще капризы... Ведет себя перед мужем так, как жене не подобает. Вот вы добрый человек... Вы сейчас и гуська, и поросеночка... А она уж совсем не в вас... Она – ужас что такое...

– Да что именно? Что именно? – допытывался тесть.

– Капризы... Только и слышишь от нее, что я сквалыжник, ростовщик, что ей противен, что она от меня сбежит. А из-за чего? Прошу покорно садиться, папашенька!

– Да где же дочь-то? Где же Катя? – спросил тесть, присаживаясь.

– До сих пор в постели валяется. Говорю: «Завари мужу чаю». – «Не хочу». А из-за чего, я говорю?

– Я сейчас встану, папаша... – послышался из спальни голос Катерины Петровны. – Не слушайте его. Он все врет. Ведь уж ежели капризы у меня появились, то жизнь мне даже через него опротивела – вот я отчего...

Катерина Петровна захлопнула дверь из спальни в гостиную и стала там одеваться. Послышался всплеск воды. Она умывалась. Порфирий Васильевич продолжал:

– А из-за чего все это произошло? Прежде всего, я экономный человек. А мне нельзя быть неэкономным. Жалованье у меня такое.

– Врет! – кричала Катерина Петровна из-за двери. – Это бы еще все ничего, и сквалыжничество, грошовничество я ему простила бы, а он бессердечный человек, ростовщик, радующийся, что может захватить товарищей в руки.

– Вот все так-с... Вот каждый день такие я комплименты слышу! – потряс Порфирий Васильевич руками по направлению к спальню. – Ростовщик, ростовщик и больше ничего. А я, понятное дело, хлопочу о барышах, о приращении дома. Папенька, вы сами торговый человек, а потому меня поймете.

– Нет, уж ты закладчество-то брось, зятюшка, – перебил его тесть. – Со службы за это прогнать могут.

– Да я, папашенька, в залог беру самую малость, хотя мне со всех сторон навязываются с залогами, а я теперь больше насчет купли и продажи. Вот не угодно ли посмотреть, какие я вчера бронзовые канделябры по случаю от глупых людей за восемнадцать рублей купил. Ведь эти канделябры я всегда за шестьдесят рублей продать могу, а то и больше. Продал, и два месяца сыт. Заметьте: купил и продал. Ведь уж, кажется, это торговля – то же занятие, из которого и Катерина Петровна вышла, а ей и это не нравится. Вчера вечером из-за этого целая история... Убежала от меня из спальни и заперлась в моем кабинете. А сегодня утром опять...

Растворилась дверь спальни, и на пороге появилась Катерина Петровна. Она была в утреннем капоте. Она подошла к отцу и поцеловала его.

– Это он вам про канделябры рассказывает? Поверьте, что тут не одни канделябры. Покупка канделябров – вообще грязная вещь, но все, все. Он весь бессердечный, грязный ростовщик. Канделябры он вымогал у людей, которым есть нечего... Прижимал их, а потом мне же хвастался. Тут все, все...

– А она сегодня хвасталась, что она от меня уйдет, к какому-то Мохнатову уйдет, – перебил Порфирий Васильевич.

– К Мохнатову? – протянул Петр Михайлович, и лоб его нахмурился. – Да прежде, чем ты к Мохнатову уйдешь, я и Мохнатова-то этого от себя сгоню! Смотри ты у меня! – погрозил он дочери пальцем. – Вишь, еще что выдумала! А ты, Порфирий Васильич, свое закладчество брось, положительно брось.

– Как, папашенька, бросить, ежели это дает средства к жизни, – отвечал зять.

– Неприлично этим чиновнику заниматься. Кичишься благородством, а сам что делаешь! Нехорошо.

– Ах, я и сам раньше так думал, а уж теперь решил, что и благородство при скудных средствах! Да позвольте... Ведь благородство мое при мне и останется. Ведь это все то же самое, что торговля. А теперь торговлей и очень многие действительные статские занимаются. Идите, Катерина Петровна, в столовую и заварите чай. Вот вам ваши ключи. И мне пить чай пора да отправляться в должность, и папеньку попоим. Да достаньте банку варенья. Папашенька, может быть, с вареньем попьет, – отдал Порфирий Васильевич приказ жене и, ласково обняв тестя, сказал: – Пожалуйста, Петр Михайлыч, обуздайте как-нибудь Катю. Ведь уж доходит до того, что из рук вон... Прямо в глаза мужу говорит: «Я, – говорит, – к Мохнатову уйду». Каково вам это покажется! «Сквалыжник... ростовщик... к Мохнатову уйду». А какой я сквалыжник? Вы вот пришли, так я не знаю, чем вас и попотчевать. Катерина Петровна! Пошли за лимоном к чаю папашеньке! – кричал он жене и повел тестя в столовую.

XVIII

За чаем Петр Михайлович долго уговаривал дочь и зятя как-нибудь примириться и «жить ладком», но все это ни к чему не привело. Катерина Петровна отмалчивалась, кусала платок и сидела отвернувшись от мужа.

– Ну, гуляй, девушка, гуляй, да дела не забывай... – сказал сам себе Петр Михайлович и поднялся из-за стола, по трактирной привычке опрокинув стакан кверху дном. – В лавку идти надо.

– Да и мне на службу пора... – проговорил Порфирий Васильевич. – Пойдемте вместе, папенька. А ты, Катерина Петровна, закажи обед. Там папенька поросенка, гуся и две курочки нам в подарок принес, так вот можно курочку зажарить. Или нет. С какой стати жарить? Ты ее свари, так нам два блюда будет. Из навара суп, а сама курица на второе пойдет. Можно с рисом сделать. А суп с манной крупой. И дешево, и сердито. Вот, папашенька, я во всем экономиию люблю, а она это называет сквалыжничеством. Ну, я сейчас...

Порфирий Васильевич отправился к себе в кабинет и попробовал, запер ли он у письменного стола замки. В письменном столе лежали взятые в залог портсигары, и он опасался, как бы Катерина Петровна не забралась туда и не попортила их. Из предосторожности он запер туда и бобровую шапку.

– Теперь я готов... – сказал он тестю, появляясь в прихожей. – Прощайте, Катерина Петровна, – обратился он к жене, наклонился, хотел ее поцеловать, но она отшатнулась от него.

– Оставьте, оставьте, пожалуйста, не желаю... – проговорила она.

Порфирий Васильевич кивнул на нее тестю и сказал:

– И вот так уж несколько дней-с...

– Ну, милые бранятся, только тешатся, – отвечал отец, чтобы что-нибудь сказать в оправдание дочери.

– Какая уж тут потеха, Петр Михайлыч! А ежели бы вы знали, что вчера из-за канделябров этих бронзовых было! Нет, у ней ужасный характер! А сама на меня жалуется. Ах, кстати, о канделябрах, папашенька... – прибавил Порфирий Васильевич, надевая на себя пальто. – Не купите ли вы у меня эти канделябры? Я с вас по-родственному пятьдесят пять рублей взял бы, хотя мне наверное за них семьдесят пять дадут.

– Куда мне с ними! У нас есть канделябры, – отказался Петр Михайлович и, еще раз чмокнув дочь в щеку, вышел вместе с зятем на лестницу.

Катерина Петровна захлопнула за ними дверь.

«Алтынник... Грошовник... Маклак... – думала она про мужа. – Еще смеет свои грабительские вещи папашеньке предлагать! А обед, обед. Даром провизию получил и тут сквалыжничает. Назло ему закажу кухарке к обеду суп из говядины с клецками, поросенка отварного и курицу жареную. Что мне стесняться и голодом себя морить! Ведь провизию папенька мне принес, а не ему. Да и вообще здесь все мое».

Она позвала кухарку и заказала обед, как сама решила.

– Поросенок-то велик будет, – заметила кухарка. – Куда вам с бариним цельного поросенка? Я отрублю да отварю половину, а остальное в другой раз на жаркое пойдет.

– Нет, всего, всего отвари, – с каким-то злорадством сказала Катерина Петровна.

Оставшись одна, она стала бродить по комнатам – и грустно, грустно ей сделалось. Вся обстановка нового гнезда благодаря мужу, который был ей теперь противен, была ей тоже противна.

«Что это за жизнь, помилуйте! – мелькало у ней в голове. – Ну, а дальше-то что будет? Дальше ведь еще хуже будет. Уж ежели так называемый медовый месяц на мою долю такой выдался, то что же потом-то должно быть?»

Слезы подступали ей к горлу.

«Что потом-то? Потом-то что будет? – спрашивала она себя, вдумываясь, не находила исхода, не видала даже легкого просвета, опустившись в спальню на диванчик, горько заплакала.

Выплакавшись, она взяла книжку романа, попробовала читать, чтоб развлечься, но не могла: она не понимала читаного. Голова ее ничего не могла усвоить, до того Катерина Петровна была расстроена.

«Пойти разве к маменьке? – мелькнуло у ней в голове, но она тотчас же отказалась от этой мысли. – Что я там буду делать? – спрашивала она себя. – Опять то же, что вчера. Опять те же упрасиванья покориться, слюбиться, жить ладком. А чему я покорюсь? Я даже не знаю, чему я покориться должна. Вместе с ним ростовщичествовать? Вместе залоги принимать? Он в канцелярии бобровые шапки и портсигары будет принимать в залог, а я здесь дома – платки от кухарок с нашего двора? Ведь покориться ему, стало быть, надо так делать: сквалыжничать в обеде, морить себя голодом, заказывать котлеты из вчерашней суповой говядины. И это из хорошей-то сытной жизни при отце и матери! Получила в приданое двадцать тысяч вещами и деньгами и мори себя голодом, обнимайся с ростовщиком, который противен, мерзок... Нет, не хочу я этого! Не могу! Не желаю! Надо уйти, убежать. Отец и мать не хотят меня взять к себе, так авось Мохнатов меня к себе возьмет. Он должен меня взять к себе. Ведь он же признавался мне в любви, говорил, что влюблен в меня, что жить без меня не может. Мало ли что он говорил!.. И говорил, кажется, искренно. Сегодня же пойду к нему, я знаю его адрес. Он живет через дом от папеньки с маменькой... Это такой коричневый дом... Он говорил, что там где-то на дворе в третьем этаже, у хозяйки. Можно разыскать... Можно у дворника спросить, где живет Мохнатов. Дворники всех в доме знают. Ах, как жалко, что теперь нельзя его дома застать! Я сейчас сходила бы и спросила его, хочет ли он взять меня к себе. Но теперь его дома нет, он в папенькиной лавке, во втором этаже у конторки на счетах щелкает и книги пишет. Ну, я вечером, вечером после обеда схожу к нему. Скажу мужу, что пойду к своим чаю напиться, а сама – к Мохнатову... После восьми часов, как запрут лавку, он должен быть дома. Куда ему уйти! Можно в четыре часа дня увидеть его и у наших. Все приказчики ходят из лавки туда к нашим по очереди обедать, и его очередь, кажется, в четыре часа... – рассуждала Катерина Петровна, но тотчас же отбросила эту мысль. – Нет, нет, у наших неудобно разговаривать. Сейчас будет подозрение, зачем Мохнатов понадобился. Да и проговорила уж я у наших про него. Лучше к нему на квартиру... Сегодня не застаю его дома, так завтра застаю, послезавтра застаю, и прямо спрошу его: „Хотите меня взять к себе, так берите. Вот у меня документ на папеньку в четыре тысячи, и все приданое я себе от мужа вытребую“. Он хороший, он добрый, он должен меня взять. Ведь говорил же он, что влюблен в меня! Сама я не люблю его, он такой какой-то рохля, но все-таки он в тысячу раз лучше моего мужа! А ежели не возьмет? Что тогда? Тогда куда я?» – задавала себе вопрос Катерина Петровна и не находила ответа.

Машинально она подошла к окну, подышала на стекло и по потному месту на стекле написала пальцем: «Мохнатов».

– Да неужели же не возьмет?! – воскликнула она громко, увидела свою рабочую шкатулку на подоконнике, под села к ней и по краям крышки стала прикладывать рядом указательный палец то правой руки, то левой и говорила: – Возьмет – не возьмет. – Так обошла она все четыре стороны крышки шкатулки, и при последнем прикладывании пальца вышло слово «возьмет». – Должен взять... Он не врал мне, когда говорил, что влюблен в меня. Я по глазам его видала. Должен взять... А то иначе какая же это любовь! – проговорила она опять вслух.

В спальню заглянула кухарка и говорила:

– И не позавтракали, барыня милая, сегодня ничего. Чайку не напьетесь ли теперь перед обедом? У меня самоварчик поставлен.

Стенные часы в столовой били три.

– Ну, пожалуй... Подай самовар в столовую... – не вдруг ответила Катерина Петровна.

XIX

В пятом часу Порфирий Васильевич вернулся со службы домой. Катерина Петровна сидела еще за потухшим самоваром у себя в столовой. При входе мужа она отвернулась.

– Что это? Чай пьешь? Верно, маменька у тебя была? – спросил он.

– Никого у меня не было. Отстаньте, – отвечала она.

– Так что за охота без времени чай пить!

– Вас еще не спросила! Пожалуй, тоже и лишней щепотки чаю жалко! Сквалыжник!

– Все еще не угомонилась? Ах, Катя, Катя! Ну, здравствуй.

Он подошел к ней и хотел поцеловать ее в щеку.

– Раз навсегда вам говорю: не смейте ко мне лезть! – закричала она и поднялась со стула.

– Однако же, ведь мы все-таки муж и жена.

– Да, это большое для меня несчастье, но все-таки я не желаю, чтобы вы лезли целоваться.

– Ах ты, боже мой! Да когда же это кончится! – вздохнул Порфирий Васильевич. – Я к тебе так и этак... С твоим папенькой теперь примирился и даже в дружбе, хотя мы с него четыре тысячи-то по документу еще не получили, но тебя и это не берет. Ужасная женщина! – прибавил он. – Ведь вот и побаловал бы тебя, и потешил бы, но боюсь. Я наперед знаю, что ты заговоришь.

– Не надо мне, ничего не надо. Ничем не можете вы меня потешить, ежели вы мне противны, – отчеканила слова Катерина Петровна.

– Уж будто противен? А за что, позвольте вас спросить? – задал он вопрос, присел к столу, полез в брючный карман, достал оттуда маленький сафьянный футлярчик и, вынимая оттуда колечко с бриллиантками, проговорил: – Вот недорого приобрел сегодня вещичку у той же женщины, у которой купил вчера канделябры. На-ка, поноси на пальчике, а потом, когда надоест, продадим.

Он протянул к ней колечко. Она размахнулась и вышибла у него из рук и кольцо, и футляр. Порфирий Васильевич остолбенел на минуту.

– Это что же такое! Драгоценные вещи швырять? Вещи, которые я в поте лица добываю! – проговорил он наконец. – Ах вы, дрянь! Невежа серая! Вот папенька говорит, чтобы я с нею как-нибудь ладком... Да как тут ладком? Никакая ласка, никакое баловство не берет. Матрена! Накрывай на стол и подавай обедать! – крикнул он кухарке и пошел в кабинет переодеваться.

Дома он носил рваный, замасленный пиджак и грязные, отрепанные брюки с заплатами, а иногда старый халат с протертой на месте сиденья материей, из которой выглядывали клочья ваты. Нарядный шелковый халат, который ему в день свадьбы подарила жена, давно уже висел в шкафу.

Катерина Петровна была в спальней, когда кухарка подала на стол обед. Порфирий Васильевич заглянул в спальную и сказал:

– На стол подано. Идите суп разливать.

Катерина Петровна сначала было не хотела идти к столу, но потом вспомнила, что она назло мужу заказала к обеду отварного поросенка и жареную курицу, и ей очень захотелось посмотреть, какую муж скорчит физиономию, когда все это подадут к столу, а потому она отправилась.

Порфирий Васильевич, не дождавшись прихода жены, сам налил себе в тарелку супу и ел его. Катерина Петровна вошла в столовую, села к столу и тоже налила себе супу.

– Отчего сегодня суп не куриный? – спросил он. – Разве курицы не будет?

– Будет и курица, – отвечала она. – Я велела изжарить ее.

– Зачем? Я ведь просил сварить ее, чтобы был куриный суп, а сама курица на второе блюдо.

– А я не захотела этого.

– Странно. Вот характер-то!

Подали разварного поросенка на большом блюде. Порфирий Васильевич всплеснул руками.

– Это что? Это еще что? – воскликнул он. – Боже мой! Третье блюдо! Целого поросенка на двоих! Да вы в уме, Катерина Петровна? Для чего вы это сделали?

– Так хотела, – был ответ.

– Так хотела! Да разве это можно, чтобы целого поросенка! И курица будет?

– И жареная курица будет.

– Ах, что это! Ну как тебе не совестно, ну как тебе не стыдно! Мы вовсе не так богаты, чтобы по будням три блюда есть.

– Моя провизия. Отец эту провизию в подарок мне привез, так вам-то что же?

– Но нельзя же, милая, так роскошничать чиновнику, живущему на маленькое жалованье. Положим, поросенок разварной не пропадет, мы его можем и завтра, и послезавтра холодным есть, но курица, курица... третье блюдо. Сегодня три блюда, завтра три блюда, наконец, привыкнешь к роскоши, и уж потом трудно будет отвыкать. А я сдуру зашел в булочную и купил на пятиалтынный пяток сладких пирожков, чтоб тебя потешить. Думал, что одна курица на два блюда, так хоть пирожки сладкие прибавить. А уж теперь нет. Теперь после твоего озорничества я эти пирожки спрячу до завтра. Ведь ты это из озорничества такой роскошный обед заказала? – спросил Порфирий Васильевич жену.

– Так хотела, – послышался ответ, и Катерина Петровна, смотря прямо в лицо мужу, насмешливо улыбнулась.

– Уберите курицу к завтраму. Я не хочу ее есть, – сказал он кухарке.

– А я буду.

Катерина Петровна отрезала у дареной курицы ногу и стала ее есть, хотя есть ей вовсе не хотелось.

– Ведь ты назло, так и я буду делать все назло, – сказал муж и выскочил из-за стола.

– Да вы и так мне все назло делаете, – сказала она ему вслед.

Он отправился к себе в кабинет, она – в спальную.

«В восемь часов пойду Мохнатову разыскивать, – мысленно сказала себе Катерина Петровна. – В девятом часу он приходит домой из лавки». И стала ждать восьми часов.

Часы показывали только половину шестого. Время тянулось для Катерины Петровны ужасно долго. Она попробовала читать, но не могла и все посматривала на часовые стрелки и придумывала, как она пойдет к Мохнатову, что будет говорить. «А мужу скажу, что пойду к папеньке и маменьке чаю напиться, – решила она и вдруг задала себе вопрос: – А ежели он меня не отпустит к нашим? Впрочем, как он может не отпустить? Не может не отпустить. Я убегу. Но навязаться со мной вместе он все-таки может. А как я тогда попаду к Мохнатову? Надо будет удержать его дома во что бы то ни стало. А как удержать?»

И Катерина Петровна стала измышлять средства удержать мужа дома. Вдруг в голове ее мелькнула счастливая мысль, такая мысль, от которой она даже улыбнулась и вся оживилась.

«Скажу мужу, что иду просить у папеньки уплаты по документу четырех тысяч рублей, и уверю его, что лучше, ежели я буду в это время у отца одна. Муж корыстен, на это он, наверное, согласится», – решила она и уж несколько успокоенная взяла колоду карт и стала гадать на бубнового короля, задумав на Мохнатову. Выходили благоприятные червонные карты. Катерина Петровна повеселела. Часы пробили семь.

«Еще часик, – подумала она и стала переодеваться из капота в платье, не без кокетства посмотрела на себя в зеркало, надела браслеты, брошку и опять спросила себя мысленно: – Неужели он меня к себе не возьмет?»

Но вот и восемь часов. Она вышла из спальни в гостиную. В отворенную дверь смежного с ней кабинета можно было видеть, как Порфирий Васильевич сидел у письменного стола и – дивное дело – опять перетирал замшей серебряные портсигары. Очевидно, занятие это превратилось у него в слабость.

– Я хочу сейчас сходить к своим чаю напиться, – сказала ему Катерина Петровна из гостиной.

Он обернулся в ней лицом и отвечал:

– Не стойте вы, по-настоящему, того, чтобы я отпустил вас. Ваши озорничества...

– Но я иду затем, чтобы попросить папеньку уплатить по документу четыре тысячи, – отвечала она. – Надо же это когда-нибудь сделать.

Порфирий Васильевич замялся.

– Ну, тогда это другое дело, – проговорил он после некоторого молчания. – Слушайте... Ежели он не заплатит всего, то просите с него покуда хоть половину. Но бога ради документа ему не отдавайте. Бога ради...

Он даже не навязывался идти вместе с женой.

– Так я пойду, – сказала Катерина Петровна.

– Ступайте.

Выйдя в прихожую, Катерина Петровна даже украдкой перекрестилась. Она быстро надела на себя пальто и ушла. Кухарка заперла за ней дверь.

XX

Мохнатов Илья Спиридонович был еще очень молодой человек. Ему не минуло еще и двадцати пяти лет. Отец его был купец, мелкий торговец, торговал в рынке готовым платьем, но разорился, запьянствовал и умер, оставив вдову и сына Илью, которого купцы, бывшие соседи по лавке его отца, как-то ухитрились поместить на счет купеческой управы в Петровское коммерческое училище. Способностями Илью Мохнатова Бог не наградил. Он три раза сидел по два года в одном классе, вместо того чтобы заниматься ученьем, писал малограмотные стихи, кончил тем, что в одном из классов остался на третий год и уже курса не окончил. Двадцатилетним юношей его отдали старухе-матери, имевшей табачную лавку где-то на Петербургской стороне и еле пропитывающей себя вместе с такой же старухой-сестрой. Илье Мохнатову пришлось искать места. Мать побежала по знакомым купцам, просила, кланялась – и вот место нашлось. Мохнатов был все-таки грамотен, учился немножко бухгалтерии, и Петр Михайлович, которому его предлагали в приказчики, взял его к себе в конторщики, посадив за счетные книги в верхней лавке. Жалованья Мохнатов получал двадцать пять рублей в месяц, столовался у хозяина, но жил у матери. Впоследствии же, когда мать Мохнатова умерла и ему пришлось жить на своей квартире, Петр Михайлович увеличил его жалованье и дал сорок рублей в месяц, которые Мохнатов и получал уже больше двух лет. После смерти матери Мохнатов переехал с Петербургской стороны ближе к дому своего хозяина и нанимал где-то на втором дворе комнату за двенадцать рублей в месяц, так как Петр Михайлович никого из служащих в лавке у себя на квартире не держал, а только давал им завтрак и обед. Мохнатов был молодой человек непьющий, не гуляка, и единственной его слабостью было, что он писал стихи, рассылал их по редакциям для напечатания, но тщетно, стихи нигде напечатанными не появлялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.